

На правах рукописи

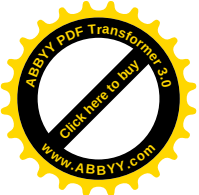
ЛЕВИН Герасим Герасимович

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА
С ДРЕВНЕТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ VII-IX ВВ.
(В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ
С ВОСТОЧНО-ТЮРКСКИМИ И МОНГОЛЬСКИМИ ЯЗЫКАМИ)**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(якутский язык)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ЯКУТСК – 2013

Работа выполнена на кафедре якутского языка Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Слепцов Петр Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Насилов Дмитрий Михайлович
(Институт стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

доктор филологических наук, профессор
Шайхулов Алмаз Галимзянович
(ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа)

доктор филологических наук, профессор
Иванов Спиридон Алексеевич
(Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск)

Ведущая организация: Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

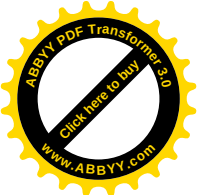
Защита состоится 18 октября 2013 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д. 004. 031. 01 при Учреждении Российской академии наук Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по адресу: 677007, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Автореферат разослан ____ 4 июля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.Н. Васильева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

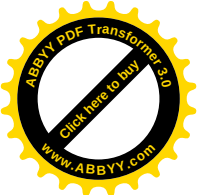
Проблемы происхождения и исторического развития тюркских языков, становления их грамматического строя, особенности формирования лексической системы вызывают большой интерес языковедов-тюркологов. Особого внимания заслуживают вопросы изучения тюркских языков в сравнении с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Диссертация посвящена исследованию исторической связи якутского языка с языком рунических текстов древнетюркской письменности в их отношении к восточно-тюркским и монгольским языкам. Как известно, якутский является древним языком среди современных тюркских языков. Его происхождение и историческое развитие совершенно иные, чем у большинства тюркских языков. Якутский резко отличается от других тюркских языков наличием пласта лексики неизвестного происхождения, а также значительного пласта монгольской и тунгусо-маньчжурской лексики. В этой связи в тюркологии ведется много споров по вопросам происхождения и исторического развития якутского языка.

Множество научных работ посвящено исследованию отношения языка древнетюркских памятников к современным тюркским и монгольским языкам. Изучены историческая фонетика, морфология, лексика текстов орхонских, енисейских, уйгурских памятников. Проведен сравнительный анализ фонетических, грамматических, лексических особенностей древнетюркского языка и современных тюркских языков. В этом плане отношение якутского языка к языкам древнетюркских памятников изучено слабо. При исследовании исторической фонетики и лексики якутского языка, как правило, частично используют материалы древнетюркских памятников, современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Однако комплексное сравнение исторической лексики якутского языка с древнетюркским языком не было проведено. В этой связи ставится проблема комплексного изучения исторического отношения якутского языка к языку орхонских, енисейских, восточно-туркестанских памятников, а также к современным восточно-тюркским и монгольским языкам.

Обращение к научной разработке проблемы обусловлено отсутствием в якутском языкознании сравнительных исследований, систематизирующих отношение якутского языка к древнетюркскому, и недостаточной изученностью происхождения и исторического развития якутского языка. Таким образом, **актуальность темы** заключается в необходимости: а) системного исследования отношения якутского языка к языку орхонских, енисейских, восточно-туркестанских памятников; б) установления исторических связей якутского языка с монгольскими и восточно-тюркскими языками через призму языка памятников древнетюркской письменности; в) проведения фундаментального исследования истории якутского языка.

Основные цели — установление исторической взаимосвязи якутского языка с языком рунических памятников древнетюркской письменности, определение главных критериев исторической связи якутского и древнетюркского языков с современными восточно-тюркскими и монгольскими языками.

Основными задачами являются: 1) сравнительное описание исторической лексики якутского и восточно-тюркских, монгольских языков; 2) определение общего количества тюрко-монгольских репрезентаций в древнетюркском и якутском языках; 3) лексико-тематическая классификация и определение структуры и объема тематических групп древнетюркского и якутского языков; 4) уточнение устойчивости и изменчивости фонологических структур тюрко-монгольских рефлексов по отношению к древнетюркским и якутским формам; 5) установление устойчивости и изменчивости семантики тюрко-монгольских рефлексов по отношению к древнетюркским и якутским формам; 6) уточнение количества тюрко-монгольских рефлексов с одинаковым структурным оформлением и лексическим значением; 7) установление тюрко-монгольских рефлексов с абсолютными показателями; 8) определение характера изменчивости лексических значений слов в конкретных фонологических структурных типах; 9) уточнение расшифровки конкретных слов текстов рунических памятников древнетюркской письменности; 10) установление основных правил орфографии текстов орхонских, енисейских и восточно-туркестанских памятников; 11) частичная реконструкция праязыковых и прототюркских форм; 12) определение исторического отношения ленско-прибайкальских надписей к памятникам древнетюркской письменности.

Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых:

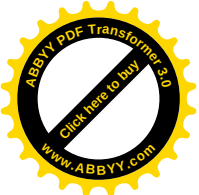
— в области исторической фонетики, лексики, грамматики тюркских и монгольских языков (исследователи В.В. Радлов, В. Томсен, В. Банг, Б.Я. Владимирцов, Дж. Клосон, В.М. Насилов, Э.В. Севортян, Н.А. Баскаков, Г. Дёрфер, Б.А. Серебренников, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак, А.Т. Кайдаров, Н.З. Гаджиева, Д.М. Насилов, И.В. Кормушин, К.М. Мусаев, В.И. Рассадин, М. Ердал, А. Берта, Б.И. Татаринцев, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак и др.);

— по лексике, фонетике, грамматике древнетюркского языка (исследователи В.В. Радлов, В. Томсен, С.Е. Малов, В.М. Насилов, Г. Айдаров, И.А. Батманов, В.Г. Кондратьев, Э.Н. Наджип, А.Н. Кононов, Х. Орхун, Т. Текин, А.С. Аврутина и др.);

— по сравнительной фонетике, лексике и грамматике якутского языка (исследователи О.Н. Бетлингк, В.В. Радлов, Н.Н. Поппе, В.И. Рассадин, С. Калужинский, Е.И. Убрятова, М. Стаховский, К. Шёнинг, Н.Н. Широбокова, Л. Кароли и др.);

— в области исторической фонетики, лексики и грамматики якутского языка (якутские исследователи Л.Н. Харитонов, Е.И. Коркина, Н.Д. Дьячковский, Н.К. Антонов, М.С. Воронкин, И.А. Алексеев, С.А. Иванов, Н.Е. Петров, П.А. Слепцов, Г.Г. Филиппов, Н.Н. Ефремов, Н.И. Данилова, И.Н. Новгородов и др.);

— по вопросам расшифровки и орфографии древнетюркских рунических памятников (исследователи В.В. Радлов, В. Томсен, Э. Блоше, Н. Аристов, С.В. Киселев, Т. Текин, Х. Орхун, Г. Клосон, С.Е. Малов, И.В. Кормушин, В.А. Лившиц, А.С. Аманжолов, И.Л. Кызласов, Д.Д. Васильев, Н.К. Антонов, С.Я. Байчоров, К. Сарткожаулы).

Методы исследования. В основе анализа лежат сравнительный и сопоставительный методы исследования лексики, которые позволяют установить истинные тюрко-монгольские лексические параллели, этапы и характер заимствований, взаимоотношение структурно-фонетических и семантических особенностей. Используются непосредственно математический и структурный методы, с помощью которых определяются: а) общее количество древнетюркско-якутских и тюрко-монгольских лексических рефлексов; б) критерии устойчивости и изменчивости структурных оформлений тюркских и монгольских лексических рефлексов; в) количественные особенности структурно-фонетических и семантических изменений тюркских и монгольских лексических рефлексов; г) критерии устойчивости структурно-семантической и структурно-фонетической канвы тюрко-монгольских параллелей; д) критерии устойчивости и изменчивости лексических значений древнетюркско-якутских параллелей. С целью установления исторической связи якутского языка с древнетюркским частично использован глоттохронологический метод.

Предмет исследования — структурно-фонетические и семантические особенности лексических параллелей якутского и древнетюркского языков в их отношении к монгольским и тюркским языкам (с целью выяснения исторической связи); орфографическая система древнетюркской письменности (с целью установления истинного словарного состава текстов орхонских, енисейских, восточно-туркестанских памятников).

Объектом исследования является сравнительный материал лексических параллелей якутского, древнетюркского, старомонгольского, письменно-монгольского, алтайского, хакасского, тувинского, киргизского, уйгурского, халха-монгольского, бурятского языков. **Материалом** для исследования послужили фотокопии, прорисовки орхонских, енисейских, восточно-туркестанских, ленско-прибайкальских рунических надписей, словарь древнетюркского языка, этимологические, двуязычные, толковые словари тюркских и монгольских языков, монографии, научные статьи, архивные материалы.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые:

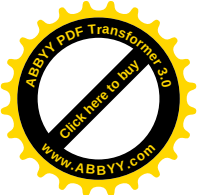
1) разрабатывается вопрос исторической связи якутского и древних тюркских языков в их отношении к старомонгольскому, письменно-монгольскому, алтайскому, хакасскому, тувинскому, киргизскому, уйгурскому, монгольскому, бурятскому языкам;

2) определяется общее количество тюрко-монгольских репрезентаций в древнетюркско-якутских параллелях; устанавливается характер устойчивости и изменчивости структурно-фонетических особенностей тюрко-монгольских рефлексов;

3) в сравнительном плане анализируется особенность лексического пласта якутского языка в системе древнетюркского, старомонгольского, письменно-монгольского и современных тюрко-монгольских языков;

4) рассматривается в ареальном плане эволюция тюркской лексики якутского языка;

5) в исследовании истории якутского языка используются методы математической лингвистики;

б) системно анализируется отношение якутского языка к текстам орхонских, енисейских, восточно-туркестанских памятников;

7) хронологически описывается развитие якутского языка.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она представляет собой опыт сравнительного исследования лексики якутского языка с древнетюркскими и современными тюрко-монгольскими языками; определяет историческую связь якутского языка с языками орхонских, енисейских, восточно-туркестанских памятников, а также отношение древнетюркско-якутских параллелей к восточно-тюркским (алтайский, хакасский, тувинский, киргизский, уйгурский) и монгольским (среднемонгольский, письменно-монгольский, халха-монгольский, бурятским) языкам. Разрабатывается проблема исторической лексики якутского языка; отчасти разрешается проблема происхождения якутского языка, устанавливается периодизация исторического развития.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов работы при составлении этимологических, толковых словарей, при создании учебников и учебных пособий по истории тюрко-монгольских языков, а также при организации лекционных курсов по лексикологии якутского языка, спецкурсов по исторической семасиологии, этимологии. Основные выводы исследования полезны при разработке ряда вопросов, касающихся истории тюркских и монгольских языков. Основные выводы и аргументация работы могут быть использованы при сравнительном исследовании истории древнетюркского языка в его отношении к другим тюрко-монгольскими языкам.

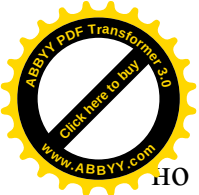
На защиту выносятся следующие положения:

1. Система рунического письма подчиняется орфографическому закону:
а) специфичность фиксирования гласных фонем в корневых основах и аффиксах; б) особенность вариации написания согласных (фиксирование особого статуса или полисемии слов, а также различия грамматических значений слов).

2. На становление якутского языка заметное влияние оказали языки орхонских, енисейских, восточно-туркестанских памятников. Если язык орхонских памятников для якутского является основным древним ядром, то язык енисейских памятников представляет собой тот древнетюркский язык, с которым якутский соприкасался в более позднее время. В этом плане язык восточно-туркестанских памятников — промежуточное звено между языками орхонских и енисейских памятников.

3. Из языков письменных памятников к якутскому ближе язык енисейских эпитафий, чем язык орхонских и восточно-туркестанских текстов. Близость языка енисейских памятников выявляется в устойчивости структурных и семантических особенностей лексических параллелей и в фиксировании значительного количества лексем с абсолютными показателями.

4. Из современных тюркских языков наиболее близки к якутскому языку алтайский и киргизский. Близость алтайского языка особенно заметна в устойчивости структурных типов и структурно-семантической канвы лексических параллелей. Несмотря на то, что самый высокий процент якутских репрезентаций во многих тематических группах выявляется в киргизском языке, он замет-

но уступает алтайскому по другим критериям, таким как устойчивость структурных типов, лексических значений и структурно-семантической канвы параллелей.

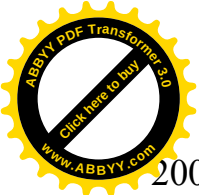
5. Из монгольской группы языков наиболее близкую позицию к якутскому занимает среднемонгольский. Близость среднемонгольского языка особо выделяется в высоких показателях: а) соразмерности структурных типов параллелей в односложных основах; б) устойчивости лексических значений параллелей в односложных основах; в) устойчивости структурно-семантической канвы лексических параллелей; г) устойчивости лексических значений и структурно-семантической канвы параллелей во многих лексико-тематических группах.

6. Якутский язык первоначально имел тесный контакт со среднемонгольским языком, затем соприкасался с халха-монгольским и бурятским языками. Наличие достаточно большого количества монгольских параллелей во всех тематических группах, а также характерные структурно-фонетические и семантические особенности монгольских репрезентаций в якутском языке показывают, что современный якутский язык и монгольские языки имеют единый праязык.

7. К языку древнетюркских памятников наиболее близко стоят уйгурский и киргизский языки. Высокий процент уйгурских и киргизских параллелей отмечается во многих тематических группах. Близость уйгурского языка к древнетюркскому выявляется в устойчивости структурных типов и лексических значений параллелей. В этом плане все показатели киргизского языка несколько уступают уйгурскому.

8. Из группы монгольских языков к языку древнетюркских памятников ближе всех находится среднемонгольский. Критерии близости среднемонгольского языка — в устойчивости структурных типов и лексических значений параллелей. Доминирование показателей среднемонгольского языка отмечается во многих лексико-семантических группах.

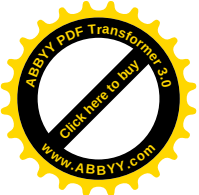
Апробация результатов работы. По теме диссертации опубликовано более 60 работ в зарубежных, российских изданиях и журналах, входящих в перечень ВАК, две монографии «Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков (в сравнительном плане с алтайским, хакасским, тувинским языками)» (Новосибирск, 2001), «Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII-IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками)» (Якутск, 2013), а также подготовлены учебные пособия «Древнетюркский язык. Орфография» (Якутск, 2001), «Древнетюркский язык. Морфология» (Якутск, 2001), «Древнетюркский язык. Фонетика и Морфология» (Якутск, 2009). Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов и сообщений: на Международном конгрессе востоковедов ICANAS XXXVII, 2004 г. (Москва), на Международном конгрессе тюркологов, 2004 г. (Туркестан), на научно-практических конференциях — международных (Стамбул, 2000 г.; Измир, 1998 г.; Махачкала, 1998 г.; Туркестан, 2002, 2003, 2006, 2011 гг.; Кызыл, 2003, 2013 г.; Якутск, 2000, 2006, 2007, 2009, 2011, 2013 гг.; Белгород, 2006 г.; Казань, 2010, 2011, 2012 г.), всероссийских (ИГИ РС(Я),

2007, 2008 г.; ИГИиПМНС, 2008, 2009, 2011, 2012 гг.; Якутский ГУ, 2005, 2008, 2010, 2011, 2012 гг.; Казань, 2009 г.) и региональных (ИГИ РС(Я) 2009, 2010, 2012 гг.; СВФУ, 2010, 2011, 2012, 2013 гг. и др.).

Диссертация обсуждена на расширенном заседании кафедры якутского языка Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (15.01.2013 г.).

Структура диссертации определяется поставленными в ней целями и задачами, характером объекта и предмета изучения. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, приложения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, определяются его основная цель и конкретные задачи, предмет и объект анализа, аргументируются теоретическая значимость и практическая ценность работы, обозначается материал и методы исследования, раскрывается научная новизна, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «История изучения и классификации якутского и древнетюркского языков» состоит из четырех параграфов.

В параграфе 1.1 **«О происхождении якутского языка в этнографических трудах первых исследователей»** излагается краткая история начала изучения якутского языка. В сравнительном плане анализируются основные выводы, гипотезы первых исследователей якутского края (Н.К. Витзена, Э.И. Идеса, Ф.-И. Табберт-Страленберга, Г.Ф. Миллера, Я.И. Линденау, В. Шотта, И.-Г. Георги) о происхождении и истории развития якутского языка.

Параграф 1.2 **«О происхождении якутского языка в лингвистических трудах первых исследователей»** посвящен анализу научных изысканий О.Н. Бетлингга, Г. Вамбери, В.В. Радлова, Н.Ф. Катанова, А.Н. Самойловича, Ф.Е. Корша, Д. Немета, П.М. Мелиоранского, Г.Й. Рамстедта, Н.Н. Поппе и др. Отмечается, что в трудах первых лингвистов вопрос о происхождении якутского языка рассмотрен не односторонне. Принципиальное расхождение взглядов академиков О.Н. Бетлингга и В.В. Радлова поставило множество вопросов для дальнейшего лингвистического исследования.

В параграфе 1.3 **«Научные взгляды современных исследователей по вопросу происхождения и классификации якутского языка»** рассматриваются научные взгляды современных тюркологов и монголоведов. Отмечаются особенности классификации С. Е. Малова, И. Бенцинга, К. Менгеса, Н.А. Баскакова, О.А. Мудрака, Л. Йохансона, М.Т. Дьячок. Подвергаются сравнительному анализу работы Е.И. Убрятовой, Ст. Калужинского, В.М. Надеяева, Н.К. Антонова, Г.В. Попова, В.И. Рассадина, К. Шенига, А.М. Щербака, С.А. Иванова, Е.С. Сидорова, Н.Н. Широбоковой, Н.Е. Петрова и др.

В параграфе 1.4 **«Изучение и классификация древнетюркского языка»** излагается краткая история изучения языка орхонских, енисейских и восточно-туркестанских памятников, также рассматриваются вопросы происхождения и классификации тюркских рунических памятников. В научный оборот вводятся ранее неизвестные рунические и руноподобные надписи, найденные во время экспедиционных работ на территории Республики Саха (Якутия). Высказывается мысль о том, что на территории современной Якутии не только наблюдаются следы древней руники, но и прослеживается дальнейшее развитие рунической письменности. Данные надписи разделяются на четыре группы: 1) древние надписи (V–IX вв.) — ленско-прибайкальские надписи, наскальные надписи на территории Якутии — р. Синяя, Олекма, Марха; 2) поздние надписи (XIV—XVIII вв.) — надписи на мелких предметах (на наконечнике стрелы, на печати, различные рунические знаки на специальных досках); 3) комбинированные

надписи (XVII—XVIII вв.) — надписи из Вилуйска, Хотугу Челгерия, Нучала, Аласа (Чурапчинский улус), надпись из Улахан-Ан I; 4) неизвестные руноподобные знаки и надписи (XIII—XIX вв.) — надписи на серебряной бляхе, табакерке и на камне.

Вторая глава «Графические и орфографические особенности древнетюркского рунического письма» имеет три параграфа: «Орфография орхонских текстов», «Орфография енисейских текстов», «Орфография восточно-туркестанских текстов». Данная глава посвящена исследованию графических и орфографических особенностей текстов орхонских, енисейских, восточно-туркестанских памятников. Рассматриваются вопросы вариативности фиксирования рунических знаков и специфика написания гласных, согласных фонем в корневых основах и аффиксах. С учетом фонетических, структурных и грамматических особенностей словоформ составляется общая картина орфографии рунических текстов орхонских, енисейских и восточно-туркестанских памятников.

В орфографии орхонских, енисейских и восточно-туркестанских текстов выявляются следующие специфические особенности: I. В корневых и производных основах:

1. В орхонских и енисейских памятниках в начальной позиции и первом слоге, а также в односложных словах структурного типа CVC не фиксируется знак **𐰀** [a, ä]. Данный знак обычно пишется только в конечной позиции. Например, **𐰀** ат 'лошадь, конь' [КТб., 39; КЧ, 4; Мог., 41; О., 3], **𐰀** [Е. 32], **𐰀** [Е. 39], **𐰀** [Е. 49] баш 'голова, верхушка, начало: начальник, старший, главный'; **𐰀** таш 'камень' [Е. 34, 48, 49]; **𐰀** баш 'пять' [Е. 11]; 1.1. Графема **𐰀** [a, ä] изредка встречается в начальной позиции: **𐰀** ач II 'голодный' [КТм., 8; Мог., 38], **𐰀** алт 'тянуть, вести, уводить' [КТб., 23], **𐰀** ат 'имя, название' [КТб., 7; КЧ, 1], **𐰀** арка 'спина, задняя часть' [Тон., 5]; 1.2. В енисейских текстах в некоторых случаях в начальной позиции и в основах структуры CVC выписывается графема **𐰁** [ä], например: **𐰀𐰁** каш 'пояс, колчан' [Е. 25], **𐰀𐰁** ал 'государство, народ' [Е. 44, 51]; **𐰀𐰁** баш 'пять' [Е. 45]; **𐰀𐰁** [Е. 49] эки 'два'; 1.3. В восточно-туркестанских текстах в начальной позиции обычно выписывается графема **𐰀** [a, ä], **𐰀** ат 'конь, лошадь' [Тун. IV, 8]; **𐰀** ат 'имя, название' [ЇВ, 85, Тун. IIIa, 5-6, Тун. IV, 6, Кб. а, 7]; **𐰀** ак 'белый' [ЇВ, 7], а в первом слоге и в односложных словах структуры CVC обычно не выписывается **𐰀** [a, ä]: **𐰀** [ЇВ, 7, Тун. b, 6, Тун. IV, 8, Кб. а, 8], **𐰀** [Turf. IIa, 2] ар 'муж, мужчина, герой'; **𐰀** [ЇВ, 11], [Turf-2, 1], **𐰀** [Т II. 1] баш 'голова'; **𐰀** јаџ 'жир, масло' [ЇВ, 18]; **𐰀** алик 'косуля' [ЇВ, 97].

2. В орхонских и енисейских памятниках в большинстве случаев все гласные фонемы во втором и третьем слогах не выписываются: **𐰀𐰁𐰀** будун 'народ' [КТм., 1; Тон., 1, 9; О., 3; Мог., 2, Ха 4, 30], **𐰀𐰁𐰀𐰀** т(а)б(ы)сџ(а)н 'заяц' [МЧ, 20; Тон., 8]; **𐰀𐰁** ангыз 'поле, пашня' [Е. 48]; **𐰀𐰀** агир 'окружать, объезжать' [Е. 43]; 2.1. В орхонских текстах в корневых основах VCCVC, CVCVC во втором слоге иногда фиксируется **𐰀** [y], например: **𐰀𐰀** (а)лтун 'золото'

[Мог., Ха 11; КТм., 5; Тон., 48], **ᠳᠤᠵᠢ** Орхун 'геогр. название реки на территории Монголии' [МЧ. 34], **ᠳᠤᠵᠢ** талуј 'море' [КТм., 3; Тон., 18]. 2.2. В текстах енисейских памятников в некоторых случаях во втором слоге основ структурных типов VCVC, CVCVC, VCCVC, CVCCVC выписываются гласные фонемы: **ᠬᠢᠢᠢ** өкин 'каяться, сожалеть' [Е. 26]; **ᠬᠢᠢᠢ** әрин 'муж' [Е 10, 26, 29, 42]; **ᠳᠤᠵᠢ** обул 'сын' [Е 47]. 2.3. В восточно-туркестанских текстах во втором и третьем слогах гласные фонемы обычно выписываются: **ᠬᠢᠢᠢ** өкүз 'бык, вол' [İB, 37]; **ᠬᠢᠢᠢ** [İB, 70] титиг 'глина, земля, грязь'; **ᠬᠢᠢᠢ** көнәк 'сосуд, ведро, бурдюк' [İB, 87]; **ᠬᠢᠢᠢ** [İB, 79] булыт 'облако'; **ᠬᠢᠢᠢ** [Turf. Ib, 7, Turf. Ib, 5-6] јултуз 'звезда, планета'.

3. В орхонских текстах в анлауте в некоторых основах, где обычно после [с], [j] наблюдается заднерядный (ы), вместо ожидаемых велярных **ᠬ** [с¹], **ᠳ** [j¹], встречаются их палатальные виды **ᠬ** [с²], **ᠳ** [j²]: **ᠳᠤᠵᠢ** с²ыбун 'марал, самец' [Мог., Хс 5], **ᠳᠤᠵᠢ** с²ыбыт 'рыдание, плач' [КТб., 4], **ᠬᠢᠢᠢ** j²ыш 'чернь, нагорье с долинами, удобными для поселений' [О., 2; МЧ, 21; Мог., 27], **ᠬᠢᠢᠢ** j²ыл 'год' [Мог., 27; КТб., 8, О.12], **ᠬᠢᠢᠢ** j²ылкы [Мог., 24, 38]. В отношении енисейских и восточно-туркестанских надписей данное явление не наблюдается; 3.1. В текстах енисейских памятников в анлауте в основах, где обычно после j наблюдается заднерядный [ы], вместо ожидаемого велярного **ᠳ** [j¹], изредко встречается его палатальный вид **ᠳ** [j²]: **ᠳᠤᠵᠢ** j²ыш 'лес, чернь' [Е. 16]; **ᠬᠢᠢᠢ** j²ылкы 'лошадь' [Е. 26], иногда вместо ожидаемого велярного [т¹] отмечается палатальный [т²]: **ᠳᠤᠵᠢ** [Е. 9, 29], т²об '1. родить, рождаться, 2. восходить (солнцу), **ᠬᠢᠢᠢ** [Е. 28] j²ыта 'межд. увы'; **ᠬᠢᠢᠢ** [Е. 42] j²отуз 'жена', а также в единичных случаях встречаются велярные виды согласных **ᠬ** [с¹], **ᠳ** [н¹], **ᠳ** [л¹] вместо ожидаемых палатальных **ᠬ** [с²], **ᠳ** [н²], **ᠳ** [л²]: **ᠬᠢᠢᠢ** [Е. 41] с¹әриг 'желтый', **ᠳᠤᠵᠢ** [Е. 42, 51] нә 'что'.

4. В енисейских эпитафиях наблюдаются явления бустрофедона: **ᠳᠤᠵᠢ** куј [Е. 3, 6-8, 10, 13, 14, 16, 22, 26, 27, 29, 45, 46] // **ᠬᠢᠢᠢ** [Е. 18] 'помещение, где живет женская часть семьи какого-либо высокопоставленного лица'; **ᠳᠤᠵᠢ** [Е. 27, 38, 41, 42, 49] // **ᠳᠤᠵᠢ** [Е. 24] баб 'родовое деление народа'; **ᠳᠤᠵᠢ** [Е. 1, 5, 15, 29, 38, 43-45, 49] // **ᠳᠤᠵᠢ**: (вверх ногами) [Е. 19] будун 'народ'. Подобное явление в текстах орхонских и восточно-туркестанских памятников отсутствует.

5. В енисейских текстах наблюдаются специфические графемы **ᠬ** [а], (**ᠬ**) [б], **ᠬ** [д или м?], **ᠬ** [к], **ᠬ** [Е. 49].

II. В аффиксальных морфемах: Фиксирование гласных фонем [ы], [и] [у], [ү] в аффиксах:

1. В аффиксе местно-исходного падежа лично-притяжательного склонения 3 лица -ынта, -интә: **ᠳᠤᠵᠢ** обылнта 'от сына (ихнего)' [КТб., 1], **ᠳᠤᠵᠢ** јар(а)кынта 'в его оружие' [КТб., 33], **ᠳᠤᠵᠢ** башынта 'на его вершине' [МЧ., 7].

2. В аффиксе дательного падежа лично-притяжательного склонения 3 лица -ына -инә: **ᠳᠤᠵᠢ** бисүкинә 'его родственникам' [КТб., 1]; **ᠳᠤᠵᠢ**

к(а)нынга ‘его (их) хану’ [Е. 13]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 буд(у)нынга ‘его народу’, 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 к(а)натынга ‘на его крылья’ [ЇВ. 59]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 күчинэ ‘их силою’ [ЇВ, 25].

3. В словообразовательном аффиксе прилагательного -сыз, -сиз, -сүз: 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 жабысныз ‘без врага’ [КТб., 30]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 бунгсыз ‘без горя’ [Мог., Хб, 14]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 к(а)нгсыз ‘без хана’ [Е. 45]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 субсуз ‘без воды’ [ЇВ, 69].

4. В аффиксе повелительного наклонения 3 лица -зун, -чун: 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 б(а)рзун ‘он пусть пойдет’ [Тон., 31]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 турзун ‘он пусть встанет (живет)’ [Е. 48]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 болзун ‘пусть будет’ [ЇВ, 57, 72, 74].

5. В аффиксе настоящего-будущего I времени -ур, -јур: 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 јор(ы)јур ‘ходит, скитается’ [КТм., 9]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 к(а)рб(а)нур ‘проклинают’ [Е. 25]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 м(ä)ңил(ä)йүрм(ä)н ‘радуюсь я’ [ЇВ, 1].

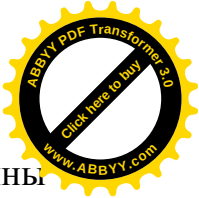
6. В аффиксе повелительного наклонения 1 л. единственного числа -ын: 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 (а)ј(а)јын ‘да окажу я почитание’ [Тон., 32]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 ташыкајын ‘давай я выйду’ [КЧ., 22]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 (а)ртатм(а)јын ‘да не стану я губить’ [ЇВ, 91]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 упајын ‘да выпью я’ [Turf. Ia].

7. В аффиксе винительного падежа лично-притяжательного склонения 3 лица -(с)ын, -ын, -ин: 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 сүсин ‘их войско’ [Мог., 30, КЧ., 10, Тон. 43, Мог., 26]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 жылкыс²ын² ‘их скот’ [Мог., 24]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 катунын ‘его супругу’ [МЧ., 10]; 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰚𐰚 б(ä)д(и)зин ‘его памятного здания’ [Е. 32].

Общая основа рунической письменности не имеет существенных различий в орфографии текстов орхонских, енисейских и восточно-туркестанских памятников по ареальным признакам. Однако специфические орфографические особенности памятников позволяют говорить о том, что орхонские и енисейские тексты близки между собой, а восточно-туркестанские надписи имеют иную структуру орфографии, вероятно, более позднюю и модифицированную.

Третья глава «Структурные и лексико-семантические особенности параллелей в имени существительном» состоит из семи параграфов: 1. Наименования частей тела и организма. 2. Термины родства. 3. Наименования природных явлений, объектов ландшафта и растительного мира. 4. Названия животных и птиц. 5. Названия жилищ, предметов быта, орудий труда и пищи. 6. Наименования явлений общественной жизни. 7. Названия абстрактных понятий. Каждый параграф разделен на три пункта: а) «Орфографические и палеографические особенности»; б) «Количественная и статистическая характеристика»; в) «Структурная и семантическая характеристика».

При анализе тематических групп определяется, что высокий процент древнетюркско-якутских параллелей имен существительных имеется в следующих лексико-семантических группах: 1) наименования частей тела и организма: др.-тюрк. — **100%** [орх. — 100%, ен. — 100%, вост.-тюрк. — 100%]; 2) наименования природных явлений (полезные ископаемые): др.-тюрк. — **81,8%** [орх. — 94,5%, ен. — 81,2%, вост.-тюрк. — 85,7%]; в остальных тематических группах данный показатель несколько ниже; 3) названия животных и птиц: др.-

В большинстве случаев высокий процент якутских репрезентаций наблюдается в тематических группах орхонских памятников. В этом отношении в енисейских памятниках высокий показатель отмечается в тематической группе «наименования частей тела и организма» (100%), а восточно-туркестанских рукописных текстах — в наименованиях явлений общественной жизни (77,7%).

13

В пункте «Количественная и статистическая характеристика» определяется общее количество древнетюркско-якутских параллелей, устанавливается их соотношение в орхонских, енисейских и восточно-туркестанских памятниках, а также выявляются тюрко-монгольские лексические рефлексy.

В текстах древнетюркских памятников всего обнаружено непрoизводных имен существительных 320, из них 241 (75,3%) имеют параллели в якутском языке. Количественное соотношение параллелей в отдельных корпусах письменных памятников таково: в орхонских надписях из 194 имен существительных в якутском языке лексические рефлексy имеют 163 (84%), в енисейских эпитафиях из 131 выявляется 94 (71,7%), в восточно-туркестанских рукописных текстах из 171 отмечается 134 (78,3%) параллели.

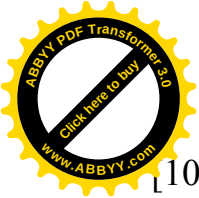
По количеству лексических параллелей имен существительных наиболее близко к якутскому стоит язык орхонских памятников. В этом отношении близкую к якутскому языку позицию занимают из тюркской группы — киргизский (91,1%), алтайский (88,6%) языки, из монгольской группы — халха-монгольский язык (61,1%). Более отдалены от якутского языка тувинский (80,5%) и письменно-монгольский (39,2%). Много якутских лексических параллелей встречается во всех монгольских языках и в большинстве тюркских языков в двухсложных основах. Исключение составляет только киргизский язык, где количество якутских параллелей преобладает в односложных основах.

По количеству лексических рефлексов древнетюркскому языку близки киргизский (79%) и алтайский (76,5%) из группы тюркских языков и халха-монгольский (54,8%) из группы монгольских языков, а остальные языки отдалены.

В пункте «Структурная и семантическая характеристика» рассматриваются структурные и семантические особенности лексических параллелей, анализируются устойчивость и изменчивость структурных типов параллелей, по устойчивости структурно-семантической и структурно-фонетической канвы лексических параллелей определяется отношение тюркских и монгольских языков к древнетюркскому и якутскому.

При анализе структурных особенностей древнетюркско-якутских параллелей определяется, что преобладающее большинство древнетюркских имен существительных отмечается в структурных типах CVC (89 единиц) и CVCVC (64 единицы). В этих структурных типах выявляется большой процент якутских репрезентаций, в частности, в CVC — 74 [89] (83,1%), в CVCVC — 48 [64] (75%). Также высокий процент древнетюркско-якутских параллелей наблюдается в других структурных типах, а именно в ОС: CVCC — 6 [6] (100%), V — 3 [4] (75%), VCC — 4 [5] (80%); в ДС: CVCV — 16 [20] (80%), VCVC — 20 [28] (71,4%), VCCV — 4 [5] (80%). В трехсложных основах всегда наблюдается абсолютное количество лексических параллелей.

Из выявленных 241 [ОС — 112, ДС — 119, ТС — 10] древнетюркско-якутских параллелей совпадение структурного типа лексемы отмечается в 152 (63%) случаях, в том числе в ОС — 73 (65,1%), в ДС — 76 (63,8%). Сходство структуры древнетюркских основ в тюркских и монгольских языках таково: в алтайском из 252 [118/125/9] в 174 [92/80/2] (69%), в хакасском из 233

[104/120/9] в 160 [87/72/1] (68,6%), в тувинском из 226 [104/115/7] в 157 [88/69/0] (69,4%), в киргизском из 260 [115/135/10] в 194 [100/91/3] (74,6%), в уйгурском из 246 [111/127/8] в 192 [94/98/0] (78%), в халха-монгольском из 175 [73/96/6] в 64 [31/32/1] (36,5%), в бурятском из 150 [62/83/5] в 55 [16/39/0] (36,6%), в среднемонгольском из 118 [43/69/6] в 50 [15/35/0] (42,3%), в письменно-монгольском из 110 [44/61/5] в 43 [10/32/1] (39%).

Как видно, большое количество лексических рефлексов, идентичных древнетюркским параллелям, наблюдается в уйгурском и киргизском языках. Более отдаленную позицию занимает якутский язык. В этом отношении из монгольских языков к языку древнетюркских памятников ближе среднемонгольский.

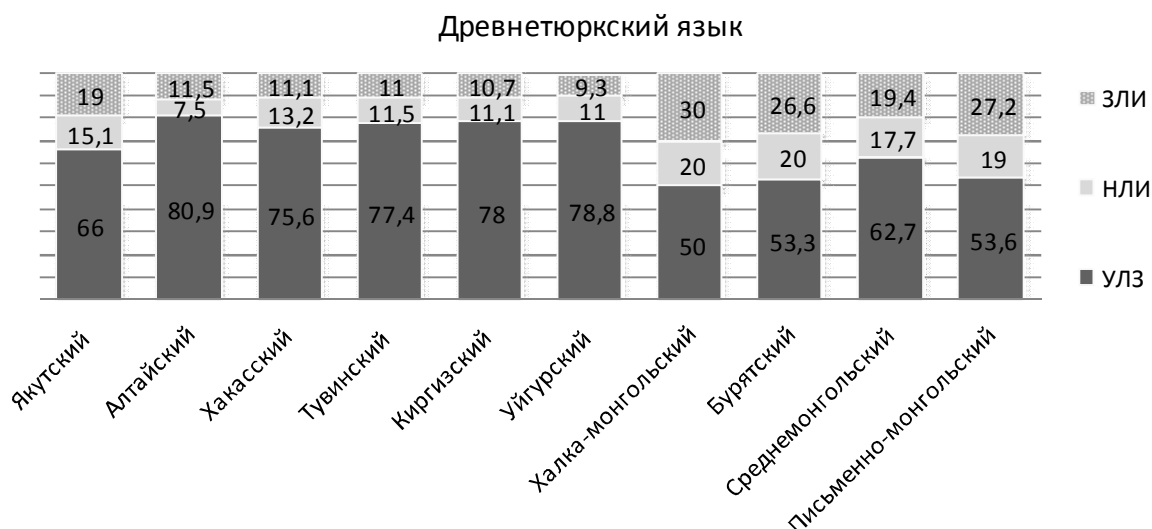
Структурно-фонетические изменения в якутских основах произошли: а) при выпадении согласных [ɟ], [ɣ], например, в инлауте: др.-тюрк. **бабыр** ~ як. **быар**, др.-тюрк. **оҗлан** ~ як. **уолан**, в ауслауте: др.-тюрк. **баҗ** ~ як. **быа**, др.-тюрк. **уруҗ** ~ як. **уруу**; б) при выпадении согласных [т], [й] в инлауте: др.-тюрк. **йултуз** ~ як. **сулус**, др.-тюрк. **тэйинг** ~ як. **тиинг**; в) при выпадении начального [с]: др.-тюрк. **сал** ~ як. **аал**; г) при появлении согласных [й], [с] в ауслауте, например: др.-тюрк. **маҗа** ~ як. **моҗой**, др.-тюрк. **әкә** ~ як. **аҗас**; д) при глагольной аффиксации **-лаа**: др.-тюрк. **ан** ~ як. **анлаа**, др.-тюрк. **тын** ~ **тынаа**; е) при появлении внутриязыковых формообразующих аффиксов, например, в основах: **курдыҗа**, **соноҗос**, **тэбиэн**, **бороон**, **кымырдыҗас**; ж) при появлении в середине основы гласного [а]: др.-тюрк. **тэнгри** ~ як. **тангара**, др.-тюрк. **йарлык** ~ як. **дьаралык**.

Анализ конгруэнтности структурных оформлений тюрко-монгольских рефлексов по отношению к якутским параллелям показывает, что к якутскому языку наиболее близки из тюркской группы – алтайский (66,1%) и киргизский (65,1%), из монгольской группы — среднемонгольский (38,3%) языки. Более отдаленную позицию занимают уйгурский и халха-монгольский, письменно-монгольский языки.

Высокий показатель *устойчивости лексических значений* (УЛЗ) основ по отношению к древнетюркским корреспонденциям отмечается в алтайском (80,9%), уйгурском (78,8%), киргизском (78%) языках. Более низкий показатель УЛЗ параллелей выявляется в якутском языке. В группе монгольских языков высокий показатель УЛЗ рефлексов отмечается в среднемонгольском (62,7%) (см.: рис. 1).

Высокий процент лексических параллелей с УЛЗ выявляется в якутском языке в структурных типах CVC, CVCV, VCVC; в алтайском языке — в типах VC, CVC, CVCCV, CVCVC; в хакасском языке — VC, CVC, CVCV, CVCVC; в тувинском — VC, CVC, CVCCVC, CVCVC; в киргизском — VC, CVC, VCCV, VCVC, CVCVC; в уйгурском — VC, CVC, VCVC, CVCCV, VCCVC; в халха-монгольском — VC, CVC, CVCV, CVCVC; в бурятском — VC, CVC, CVCV, CVCVC, CVCCV, VCCVC; в среднемонгольском — CVC, VCVC, CVCV, CVCCV; в письменно-монгольском — VCC, CVC, CVCV, CVCVC, CVCCV.

Рис. 1. Сравнительная характеристика семантических особенностей древнетюркского языка по отношению к другим тюркским и монгольским языкам

Также анализируются особенности семантических изменений 1) в древнетюркских и тюрко-монгольских параллелях, например: *заметные лексические изменения* (ЗЛИ): а) в тюркских языках: др.-тюрк. **бисүк** ‘родственники’ // алт. **пежик** *диал.* ‘мягкое ложе для ребенка, детская кровать’, хак. **пизик** ‘колыбель, люлька’, кирг. **бешик** ‘детская колыбель, люлька’, уйг. **böşük** ‘колыбель, люлька’; б) в монгольских языках: др.-тюрк. **уры** ‘сын, мальчик, мужское потомство’ // монг. **үр I** ‘плод; семя, зерно; следствие, результат; плоды’, м.-п. **üre** ‘плод; семя, зерно; следствие, результат; плоды’; *незначительные лексические изменения* (НЛИ): а) в тюркских языках: др.-тюрк. **адас** ‘товарищ, друг, приятель’ // алт. **адаш** ‘тезка, одноименный’, хак. **адас** ‘тезка’, тув. **атташ** ‘одноименный, тезка’, кирг. **атташ** ‘тезка’, уйг. **адаш** ‘тезка; однофамилец; друг, приятель (обращение)’; др.-тюрк. **äлиг** ‘рука’ // алт. **элү** ‘ширина пальца’ (мера длины), хак. **ilig уст.** ‘ширина пальца’ (мера длины), тув. **илиг** ‘мера длины, равная толщине пальца’, кирг. **эли** ‘ширина пальца’ (мера длины); б) в монгольских языках: др.-тюрк. **адак** ‘нога’ // монг. **адаг** ‘конец; устье; перен. последний, худший, плохой (по качеству)’, бур. **адаг** ‘конец; устье; перен. последний, худший, плохой’; 2) в древнетюркских и якутских параллелях, например, ЗЛИ: др.-тюрк. **күни** ‘подруга, наложница’ // як. **күнүү** ‘ревность, зависть’, др.-тюрк. **кары** ‘старик’ // як. **кырый** ‘стареть’; НЛИ: др.-тюрк. **куш** ‘птица’ // як. **кус** ‘утка’, др.-тюрк. **буэра** ‘верблюд-производитель’ // як. **буур** ‘самец (олень, сохатый, дикий баран)’.

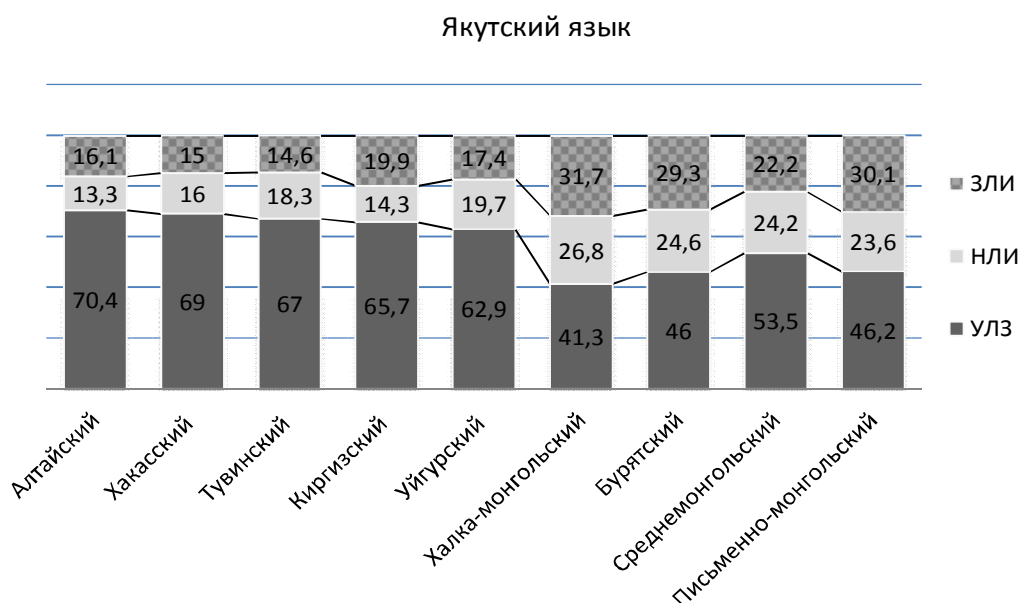
В тюркских и монгольских рефлексах значительное количество семантических изменений произошло в следующих структурных типах: в якутском языке ЗЛИ: CVCC — 33,3%, VCCV — 50%; НЛИ: VCV — 40%, CVCVC — 51%, в алтайском языке ЗЛИ: CVCV — 23,5%, VCCVC — 25%; НЛИ: VCVC — 25%, в хакасском языке ЗЛИ: CVCC — 25%; НЛИ: VCV — 58,3%, в тувинском языке ЗЛИ: CVCCV — 28,5%, VCCVC — 25%; НЛИ: VCCV — 50%, в киргизском языке ЗЛИ: CVCV — 27,7%; НЛИ: CVCC — 50%, в уйгурском языке ЗЛИ: VCCV — 25%, НЛИ: CVCC — 40%, в халха-монгольском языке

ЗЛИ: VC — 45%, VCCVC — 50%; НЛИ: CVCCVC — 75%, в бурятском языке ЗЛИ: VC — 37,5%, CVC — 36,8%; НЛИ: VCV — 55,5%, в среднемонгольском языке ЗЛИ: CVCV — 80%, CVCCV — 85,7%; НЛИ: VCV — 33,3%, VCVC — 33,3%, в письменно-монгольском языке ЗЛИ: VC — 54,5%, CVC — 40,7%; НЛИ: VCV — 37,5%.

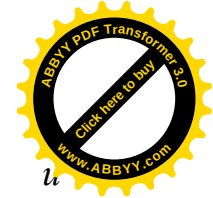
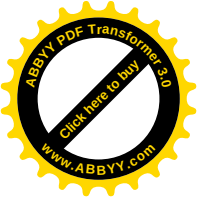
Сравнительный анализ семантических особенностей лексических параллелей показывает, что по отношению к якутским параллелям высокий показатель УЛЗ наблюдается в алтайском (70,4%) и хакасском (69%) языках. В этом плане из монгольской группы к якутскому языку более близким оказался среднемонгольский (53,3%). Во всех тюркских и монгольских языках УЛЗ рефлексом отмечается в односложных основах (см.: рис. 2).

В параграфе определяются особенности лексических сдвигов якутских и тюрко-монгольских параллелей, например, ЗЛИ: а) в тюркских языках: як. **бар** (**кыыл**) ‘миф. птица’ // алт. **пар** ‘тигр’, тув. **пар** ‘тигр’, кирг. **барс** ‘год барса’, уйг. **барс** ‘барс’; б) в монгольских языках: як. **бэдэр** ‘рысь’ // монг. **бидэр** ‘крапинки, пятна, полосы у животных’, бур. **бэди** ‘крапинки, пятна’, м.-п. **bid-er~beder** ‘пятна на шкуре животного; орнамент (на металле, камне, дереве)’; НЛИ: в) в тюркских языках: як. **салама** ‘священная веревочка, растянутая меж-

Рис. 2. Сравнительная характеристика семантических особенностей древнетюркского языка по отношению к другим тюркским и монгольским языкам

ду двумя березами и увешенная тряпочками’ // алт. **дыалама** *уст.* ‘шаманская лента’, хак. **чалама** ‘шаманская лента’, тув. **чалама** ‘разноцветные ленты’ (на шаманской одежде и священных предметах), уйг. **жала** ‘1. кисть, которую носят женщины на конце кос; 2. лента, шнур к волосам’; б) в монгольских языках: як. **далай** ‘большой, глубокий водоем’ // монг. **далай I** ‘океан; *уст.* разг. море’, бур. **далай** ‘море, океан; большое озеро’, ср.-монг. **talaji** ‘море, океан’, м.-п. **dalaj** ‘море, океан’.

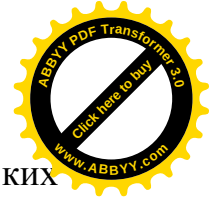
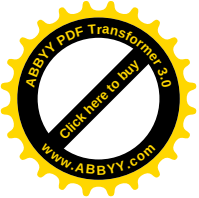
Высокий показатель *устойчивости структурно-фонетической и семантической канвы* (УСФСК) тюрко-монгольских лексических рефлексов в отношении якутских параллелей отмечается в алтайском языке (56,1%). В этом плане из монгольских языков заметно выделяется среднемонгольский (22,6%). В остальных языках УСФСК параллелей выглядит так: в орхонских текстах — 46%, в енисейских эпитафиях — 43,6%, в восточно-туркестанских надписях — 46,7%, в алтайском языке — 56,1%, в хакасском — 47,5%, в тувинском — 46%, в киргизском — 46,7%, в уйгурском — 40,4%, в халха-монгольском — 15,1%, в бурятском — 14,2%, в среднемонгольском и письменномонгольском языках — по 13,9%.

Общая картина *устойчивости фонетической и семантической канвы* (УФСК, или абсолютная идентичность рефлексов) тюрко-монгольских параллелей по отношению к якутским репрезентациям такова: в орхонских текстах — 6,9%, в енисейских эпитафиях — 8,6%, в восточно-туркестанских надписях — 8,3%, в алтайском языке — 7,6%, в хакасском — 8,5%, в тувинском — 7,3%, в киргизском — 5,5%, в уйгурском — 4,3%, в халха-монгольском — 0,68%, в бурятском — 0,79%.

Четвертая глава «Структурные и лексико-семантические особенности параллелей в именных частях речи» состоит из трех параграфов: 1. Имена прилагательные. 2. Имена числительные. 3. Местоимения. В данной главе даются количественно-статистическая и семантико-тематическая характеристики имен прилагательных, имен числительных и местоимений. Проводится сравнительный анализ количественного соотношения, лексическо-семантических и структурных особенностей древнетюркско-якутских параллелей с восточно-тюркскими и монгольскими языками.

Параграф 4.1. «Имена прилагательные» состоит из двух подпараграфов: 1. Слова, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер. 2. Слова, выражающие внутренние, относительные признаки и качественные состояния. Анализ имен прилагательных в тематических группах показывает, что большой процент древнетюркско-якутских рефлексов имеется в лексико-семантической группе «основы, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер»: др.-тюрк. — 82,1% [орх. — 90,9%, ен. — 100%, вост.-тюрк. — 82,3%]. Данный показатель в группе «основы, выражающие внутренние, относительные признаки и качественные состояния» несколько ниже: др.-тюрк. — 53,5% [орх. — 75%, ен. — 46%, вост.-тюрк. — 60%]. Как видно, в тематических группах большой процент якутских репрезентаций наблюдается в орхонских и енисейских памятниках.

При рассмотрении орфографических особенностей имен прилагательных отмечаются моменты фиксирования начального гласного **ǰ** [a] в основах **ǰ** [КТм, 8; Мог., 38] **ач** ‘голодный’, **ǰ** [ЇВ, 7] **ак** ‘белый’; случаи выписывания гласных во втором слогах: **Чǰǰ** [Тун. IV, 11] **јабыз** ‘ничтожный, плохой, слабый’, **ǰǰǰ** [ЇВ, 13] **интин** ‘другой, противоположный’, ен. **Чǰǰ** [Е. 27] **кадыр** ‘суровый, грозный’, а также явление бустрофедона в основах: **ЧҮҮ** [Е. 24] **үлкән** ‘большой, великий’, **ǰ(Ч)Ч** [Е. 24] **бенгү** ‘вечный’.

Количественно-статистический анализ выявляет, что в древнетюркских текстах всего 56 производных имен прилагательных, из них 38 (67,8%) имеют параллели в якутском языке. По количеству обнаруженных лексических параллелей к якутскому языку близко находится язык енисейских эпитафий (88,8%); орхонские надписи (84,2%) и восточно-туркестанские тексты (68,9%) несколько отдалены.

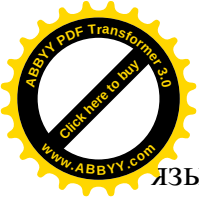
При сравнении якутских и тюрко-монгольских параллелей определяется, что к якутскому языку близки из тюркской группы хакасский (84,2%) и алтайский (81,5%) языки, из монгольской группы — письменно-монгольский (68,4%). Более отдалены от якутского тувинский (68,4%) и среднемонгольский (57,4%) языки. Во всех тюркских и монгольских языках большое количество якутских лексических параллелей наблюдается в односложных основах. Заметим, что в тувинском и письменно-монгольском языках отмечается тождественное количество (68,4%) якутских параллелей. Этот показатель позволяет сделать вывод о том, что в данной лексико-семантической группе критерий близости между тюркскими и монгольскими языками очень высок. По количеству выявленных лексических рефлексов к древнетюркскому языку близко стоят хакасский и алтайский языки из тюркской группы, письменно-монгольский и халха-монгольский языки — из монгольской группы.

По структуре тюрко-монгольских параллелей большой процент лексических рефлексов, идентичных древнетюркским лексемам, имеется в уйгурском языке (91,8%). В этом плане якутский язык более отдален (37,5%). Из монгольских языков к языку древнетюркских памятников несколько близок среднемонгольский (34,6%). Данный показатель в остальных языках таков: в алтайском — 65%, в хакаском — 75,6%, в тувинском — 70,5%, в киргизском — 76,9%, в халха-монгольском — 30,3%, в бурятском — 25,8%, в письменно-монгольском — 20,5%.

Структурно-фонетические изменения в якутских основах произошли: а) при выпадении [б] в инлауте: др.-тюрк. **йоѳан** ~ як. **суон**, в ауслауте: др.-тюрк. **улуѳ** ~ як. **улуу**; б) при выпадении начального [с]: др.-тюрк. **сэмиз** ~ як. **эмис**; в) при появлении внутриязыковых специфических аффиксов в основах: **боронг**, **саһыл**, **тураѳас**, **куччугуй**, **араѳас**, **синньигэс**.

Сравнение устойчивости структурных типов якутских и тюрко-монгольских параллелей показывает, что большое количество лексических рефлексов, соотносимых с якутскими формами, выявляется в алтайском (64,5%) и хакаском (65,6%) языках. В этом отношении из монгольской группы к якутскому языку более близок бурятский (20%). В остальных языках показатель устойчивости структурных типов параллелей несколько ниже: в тувинском — 57,6%, в киргизском — 58%, в уйгурском — 58,6%, в халха-монгольском — 16%, в бурятском — 20%, в среднемонгольском — 18,1%, в письменно-монгольском — 15,3%.

Сравнительный анализ семантических особенностей тюркских и монгольских параллелей показывает, что по отношению к древнетюркским параллелям большой процент УЛЗ основ отмечается в тувинском (88,2%), уйгурском (89,1%) языках. Более низкий показатель наблюдается в якутском

языке. В группе монгольских языков высокий показатель УЛЗ лексических рефлексов выявляется в среднемонгольском (53,8%) и письменно-монгольском (50%).

Высокий процент лексических параллелей с УЛЗ обнаруживается в якутском языке в структурных типах CVC, VCVC, CVCVC, в алтайском языке — VC, CVC, VCVC, CVCVC, в хакасском языке — VC, CVC, VCVC, CVCVC, в тувинском — VC, CVC, VCVC, CVCVC, в киргизском — VC, CVC, VCVC, CVCVC, в уйгурском — VC, CVC, VCVC, CVCVC, в халха-монгольском — CVC, CVCVC, в бурятском — CVC, CVCVC, в среднемонгольском — CVC, CVCVC, в письменно-монгольском — CVC, CVCVC. Здесь также рассматриваются особенности семантических изменений в древнетюркских и тюрко-монгольских параллелях, выявляются критерии изменения лексических значений основ, анализируются структурные особенности параллелей, имеющих семантические изменения. Например, выявляется, что большое количество заметных семантических сдвигов произошло в структурных типах: в якутском языке CVC — 50%, в халха-монгольском языке VCVC — 60%, в бурятском языке VCVC — 75%, CVCVC — 66,6%; в среднемонгольском языке VCVC — 60%, в письменно-монгольском языке VCVC — 60%.

Изменение лексических значений тюрко-монгольских основ относительно древнетюркских форм в основном определяется: а) при метафорическом переносе слова, например: др.-тюрк. **сәмиз** ‘тучный’ // монг. **сэмж(ин)** *анат.* ‘сальник’, бур. **һәмжә** *анат.* ‘сальник, брыжейка, жировой покров брюшины, брюшной жир’, ср.-монг. **simeži** ‘внутренний жир, жир на печени’, м.-п. **semži** ‘внутренний жир, жир на печени’; др.-тюрк. **өрүн** ‘светлый, белый’ // монг. **үүр** ‘утренняя заря; рассвет’, бур. **үүр** ‘утренняя заря, рассвет’, ср.-монг. **ur** ‘рассвет’, м.-п. **ör** ‘рассвет’; б) при проявлении полисемии: др.-тюрк. **үлкән** ‘большой, великий’ // алт. **үлген** ‘черн. долгий’, др.-тюрк. **јабыз** ‘ничтожный, плохой, слабый’ // алт. **дьябыс** ‘низкий’, тув. **чавыс** ‘низкий; ниже’.

Сравнительный анализ семантических особенностей тюркских и монгольских рефлексов по отношению к якутским параллелям показывает, что высокий процент лексем с УЛЗ наблюдается в тувинском (76,9%) и уйгурском (75,8%) языках, более низкий показатель — в алтайском (64,5%) и хакасском (68,7%). Из монгольской группы к якутскому языку ближе стоит среднемонгольский язык (54,4%). В тюркских языках УЛЗ параллелей отмечается в двух-сложных основах, в монгольских языках — в односложных.

Большой процент УСФСР тюрко-монгольских рефлексов имеется в текстах енисейских памятников (62,5%). В остальных языках показатель УСФСР рефлексов таков: в орхонских надписях — 37,5%, в восточно-туркестанских текстах — 45%, в алтайском языке — 41,9%, в хакасском — 46,8%, в тувинском — 46,1%, в киргизском — 45,1%, в уйгурском — 37,9%, в халха-монгольском — 8%, в бурятском — 8%, в среднемонгольском — 13,6%, в письменно-монгольском — 7,6%.

В параграфе 4.2 «Имя числительное» определяются критерии исторического отношения древнетюркско-якутских параллелей имен числительных к восточно-тюркским и монгольским языкам. Анализ орфографических осо-

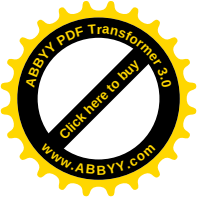
бенностей показывает, что при написании имен числительных соблюдены все основные правила рунического письма. Однако выявляются некоторые моменты отклонения от общей нормы: а) различное фиксирование числительных **ᠠᠨᠠ** [Е. 10] // **ᠠᠨᠠᠵᠤ** [Е. 15, 32, 43, 45] **бир** ‘один’; **ᠠᠨᠠ** [КТб., 13] // **ᠠᠨᠠᠵᠤ** [Тон., 4; МЧ, 3] **jūz** ‘сто’; б) явления бустрофедона: **ᠠᠨᠠ** [Е. 79] **бир** ‘один’, **ᠠᠨᠠᠵᠤ** алты ‘шесть’ [Е. 24].

В пункте «Количественная и статистическая характеристика» определяется общее количество древнетюркско-якутских и тюрко-монгольских лексических параллелей. В данной группе выявлено всего 17 имен числительных, из них 16 (94,1%) имеют лексические параллели в якутском языке. Количество лексических параллелей в письменных памятниках представляется так: в орхонских текстах из 17 имен числительных в якутском языке лексические рефлексy имеют 16 (94,1%), в енисейских эпитафиях из 16 отмечается 15 (93,7%), в восточно-туркестанских текстах из 15 обнаруживается 14 (93,3%).

При количественном анализе определяется, что в разных памятниках древнетюркской письменности количество имен числительных существенно не различается. По числу выявленных лексических рефлексy к якутскому языку близко находятся все исследуемые тюркские языки, кроме тувинского, из группы монгольских языков близок письменно-монгольский. В этом плане к текстам древнетюркских памятников тесное отношение имеют все тюркские языки, кроме тувинского. Здесь следует отметить, что в тувинском языке отсутствуют параллели к древнетюркским числительным **отуз** ‘тридцать’, **äлиг** ‘пятьдесят’. Из группы монгольских языков к древнетюркскому языку наиболее близко находится письменно-монгольский.

В пункте «Структурная и семантическая характеристика» рассматриваются структурные и семантические особенности, устойчивость структурно-семантической и структурно-фонетической канвы лексических параллелей. Структурный анализ тюрко-монгольских параллелей показывает, что большой процент лексических рефлексy, тождественных с древнетюркскими формами, имеется в хакасском (100%) и киргизском (91,4%) языках. В этом плане якутский язык (62,5%) заметно уступает. Из группы монгольских языков к текстам древнетюркских памятников ближе расположен халха-монгольский (33,3%). В остальных языках данный показатель несколько ниже: а) в тюркской группе: в алтайском — 82,3%, в тувинском — 78,5%, в уйгурском — 64,7%; в монгольской группе: в бурятском — 16,6%, в среднемонгольском — 25%, в письменно-монгольском — 14,2%.

В якутском языке изменения структуры лексических параллелей отмечаются в следующих основах: в ДС: VCV — др.-тюрк. **äки** // як. **икки**; VCVC — др.-тюрк. **äлиг** // як. **илии**; CVCV — др.-тюрк. **јити** // як. **сэттэ**; CVCVC — др.-тюрк. **сăкиз** // як. **абыс**; CVCVC — др.-тюрк. **түмән** // як. **үтүмэн**; в ТС: CVCVCCV — др.-тюрк. **јăгирми** // як. **сүүрбэ**. Структурные сдвиги в якутском языке произошли: а) при выпадении [б], [г]: **илии**, **сүүрбэ**; б) при выпадении начального [с]: **абыс**; в) при геминании согласных: **сэттэ**; г) при появлении начального гласного [ү]: **үтүмэн**.

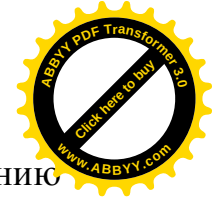
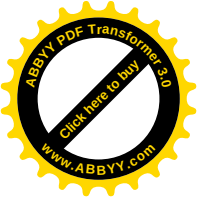
По степени устойчивости структурных типов якутских и тюрко-монгольских параллелей большое количество лексических рефлексов, соразмерных с якутскими формами, выявляется в алтайском языке (81,2%). Меньшее количество обнаруживается в тувинском (64,2%) и уйгурском (62,5%) языках. В этом отношении из монгольской группы к якутскому языку наиболее близок халха-монгольский язык (20%). В остальных языках данный показатель таков: в киргизском — 75%, в хакасском — 68,7%, в бурятском, среднемонгольском, письменно-монгольском — 0%.

Сравнительный анализ семантических особенностей имен числительных дает возможность сделать вывод о том, что по отношению к древнетюркским корреспонденциям высокий показатель УЛЗ рефлексов отмечается в тувинском, киргизском, уйгурском языках (по 100%), в алтайском, хакасском (по 91,4%). Якутский язык несколько отдален (81,2%). В этом отношении из монгольских языков более приближен среднемонгольский (60%), в остальных монгольских языках данный показатель равен 50%.

В якутском языке семантические изменения выявляются в следующих единицах: ЗЛИ: ОС: CVC — др.-тюрк. **бинг** ‘тысяча’ // як. **мунг** ‘предел, граница; крайняя степень чего-л.’; ДС: VCVC — др.-тюрк. **äлиг** ‘пятьдесят’ // як. **илии** ‘рука’; НЛИ: CVCVC — др.-тюрк. **түмән** ‘десять тысяч’ // як. **үтүмэн** ‘много, большой’. В тюркских и монгольских языках семантические изменения обнаруживаются: ЗЛИ: ОС: CVC — др.-тюрк. **бир** ‘один’ // монг. **bür** ‘каждый, всякий’, бур. **büri** ‘каждый, все’, ср.-монг. **burī** ‘каждый, все’, м.-п. **büri** ‘каждый, все’; CVCC — др.-тюрк. **кырк** ‘сорок’ // монг. **хориул** ‘все двадцать’, бур. **xori(n)** ‘двадцать’, ср.-монг. **qori(n)** ‘двадцать’, м.-п. **qori(n)** ‘двадцать’; НЛИ: ДС: VCV — др.-тюрк. **äки** ‘два’ // монг. **ixer** ‘близнецы’, бур. **exir** ‘близнецы’, п.-монг. **ekeri** ‘близнецы’; CVCVC — др.-тюрк. **түмән** ‘десять тысяч’ // алт. **түмен** ‘несметное количество, тьма, множество’, хак. **түбен** ‘несметное количество, множество, тьма’; ТС: CVCVCCV — др.-тюрк. **jägirmi** ‘двадцать’ // п.-монг. **žirin** ‘две, обе’ (о женщинах).

Анализ устойчивости и изменчивости лексических значений тюрко-монгольских параллелей по отношению к якутским формам показывает, что высокий процент лексических единиц с УЛЗ выявляется в алтайском и хакасском языках (по 87,5%). Здесь более отдаленную позицию занимают уйгурский и киргизский (81,2%) языки. Из группы монгольских языков к якутскому довольно близким оказался среднемонгольский (25%). В алтайском и хакасском языках УЛЗ рефлексов наблюдается в двухсложных основах, а в остальных тюркских и монгольских языках — в односложных.

При анализе УСФСК тюркских и монгольских рефлексов выясняется, что в отношении якутских параллелей большой процент УСФСК тюрко-монгольских рефлексов выявлен в текстах восточно-туркестанских памятников и в тувинском языке (по 64,2%). В монгольских языках подобные рефлексы не наблюдаются. Этот показатель в остальных тюркских языках несколько ниже: в орхонских текстах, в хакасском, киргизском языках — по 56,2%, в енисейских эпитафиях — 60%, в алтайском, уйгурском языках — по 62,5%.

УФСК (абсолютная идентичность рефлексов) параллелей по отношению к якутским репрезентациям наблюдается в уйгурской форме: як. **икки** ‘два’ // уйг. **икки** ‘два’.

В параграфе 4.3 «Местоимения и местоименные слова» рассматривается взаимоотношение древнетюркско-якутских параллелей к тюрко-монгольским рефлексам. Определяются основные критерии близости между древнетюркским и якутским, восточно-тюркскими и монгольскими языками. Количественный анализ выявил, что в древнетюркском языке всего 17 местоимений и местоименных слов, из них 13 (76,4%) имеют параллели в якутском языке. Количественное соотношение параллелей в отдельных видах письменных памятников представляется таким образом: в орхонских надписях из 15 местоимений в якутском языке лексические рефлексy имеют 13 (86,6%), в енисейских эпитафиях из 8 выявляется 6 (75%), в восточно-туркестанских рукописных текстах из 13 отмечается 9 (69,2%) параллелей.

В древнетюркских памятниках превосходящее количество якутских параллелей наблюдается в орхонских текстах. К якутскому языку близко стоят из группы тюркских языков — тувинский (92,3%), из группы монгольских языков — халха-монгольский (84,6%). Следует отметить, что в данной статистике показатель халха-монгольского языка, отождествляясь с данными алтайского и хакасского языков, превышает показатели уйгурского и киргизского. Большое количество якутских лексических параллелей встречается в односложных основах во всех тюркских и письменно-монгольском языках, а в двухсложных — в халха-монгольском, бурятском, письменно-монгольском языках. В тюркских языках исключение составляет только язык орхонских памятников, где количество якутских параллелей преобладает в двухсложных основах.

По количеству лексических рефлексов к древнетюркскому языку близок халха-монгольский (82,3%), которому уступают все тюркские языки. В этих языках наиболее высокий процент лексических рефлексов наблюдается в якутском и тувинском (по 76,4%), которые имеют одинаковый показатель с бурятским языком. Исходя из этого можно предположить, что окончательное формирование монгольских местоимений произошло под сильным влиянием древнетюркского языка. Анализ структурных особенностей параллелей выявляет, что в киргизском (91,6%) и уйгурском (90,9%) языках имеется большое количество лексических рефлексов, идентичных древнетюркским основам. Количественные данные хакасского (66,6%), тувинского (69,2%), якутского (61,5%) языков заметно уступают. В этом отношении из группы монгольских языков явно выделяется халха-монгольский (57,1%).

В якутском языке изменения структуры лексических параллелей отмечаются в основах ОС: CVC — др.-тюрк. **сиз** // як. **эһиги**, др.-тюрк. **биз** // як. **биһиги**; др.-тюрк. **сән** // як. **эн**; ДС: CVCV — др.-тюрк. **каны** // як. **ханна**. Структурные изменения в якутских основах произошли: а) при выпадении начального [с]: **эн**, **эһиги**; б) при появлении аффикса родительного падежа [-иги]: **биһиги** = **би+иги**, **эһиги** = **эһ+иги**; в) при присоединении падежного аффикса [-на]: **хан+на**.

Анализ устойчивости структурных оформлений якутских и тюрко-монгольских параллелей выявляет большое количество лексических рефлексов, тождественных с якутскими основами, в киргизском и уйгурском языках (по 70%). В других тюркских и монгольских языках этот показатель представлен так: в алтайском, хакасском — по 54,5%, в тувинском — 58,3%, в халха-монгольском — 54,5%, в бурятском — 30%, в среднемонгольском — 42,8%, в письменно-монгольском — 44,4%.

Сравнив семантические особенности местоимений тюркских и монгольских языков, пришли к выводу, что по отношению к древнетюркским корреспонденциям высокий показатель УЛЗ основ отмечается в уйгурском (100%), алтайском и киргизском (по 91,6%) языках. В группе монгольских языков высокий показатель УЛЗ местоимений выявляется в халха-монгольском (78,5%). В уйгурском языке УЛЗ местоимений наблюдается в двухсложных основах, в остальных тюркских и монгольских языках — в односложных основах. Высокий процент рефлексов с УЛЗ фиксируется в тюркских и монгольских языках в структурном типе CVC.

В якутском языке заметные семантические изменения отмечаются в следующих лексических единицах: др.-тюрк. **öz** ‘сам’ // як. **үөс** ‘сердцевина дерева; центр, средоточие, середина’; др.-тюрк. **камык** ‘все, всё, весь’ // як. **хомуур** ‘уборка, сборка’. В тюрко-монгольских языках наблюдаются в основном функциональные изменения лексических значений слов, например: др.-тюрк. **öz** ‘сам’ // хак. **өзен** ‘сердцевина; стержень’, тув. **өзек** ‘сердцевина’; др.-тюрк. **ке** ‘который’ // кирг. **ки ир. южн. союз** ‘что; который; кто; тот, кто; то, что; тогда, когда’; др.-тюрк. **бары** ‘все’ // хак. **пар** ‘наличный, существующий’, тув. **бар** ‘наличие’; др.-тюрк. **бары** ‘все’ // монг. **бүри** послелог ‘каждый, всякий, еже’; ср.-монг., п.-монг. **büri** ‘каждый’.

Рассмотрение устойчивости и изменчивости лексических значений тюрко-монгольских параллелей по отношению к якутским формам показывает, что высокий процент лексических единиц с УЛЗ отмечается в киргизском и уйгурском языках (по 90%). Из монгольской группы отличается бурятский язык (60%). В киргизском и уйгурском языках УЛЗ рефлексов выявляется в двухсложных основах, а в остальных тюркских и монгольских языках — в односложных.

Анализ тюркских и монгольских рефлексов дал следующие результаты: в отношении якутских параллелей большой процент УСФСР рефлексов — в киргизском и уйгурском языках (по 60%). В других тюркских языках данный показатель таков: в орхонских текстах — 46,1%, в енисейских эпитафиях — 50%, в восточно-туркестанских надписях — 44,4%, в алтайском языке — 36,3%, в хакасском — 45,4%, в тувинском — 50%. В монгольской группе УСФСР рефлексов отмечается в халха-монгольском языке (18,1%).

Таким образом, в данной тематической группе выявлена тесная взаимосвязь между тюркскими и монгольскими языками. Особое место занимает халха-монгольский язык, где устойчивость структурной и семантической канвы лексических рефлексов проявляется как в текстах древнетюркских памятников, так и в якутском языке. Анализ количественно-структур-

ных и структурно-семантических особенностей тюрко-монгольских местоимений показывает, что к якутскому языку ближе всего из тюркской группы киргизский и уйгурский языки, из монгольской группы — халха-монгольский. К текстам древнетюркских памятников близки киргизский, уйгурский, тувинский и халха-монгольский языки.

Пятая глава «Структурные и лексико-семантические особенности параллелей в глаголах» состоит из двух параграфов: 1. Слова, выражающие чувства, эмоции, процессы мышления и речи. 2. Слова, выражающие движение, действие, состояние. Рассматриваются количественно-статистическая, структурная и семантическая характеристики глаголов. Анализируются количественное соотношение, лексическо-семантические и структурные особенности глаголов древнетюркского и якутского языков. Проводится сравнительный анализ древнетюркских и якутских параллелей с восточно-тюркскими и монгольскими языками.

А. Количественно-статистическая характеристика

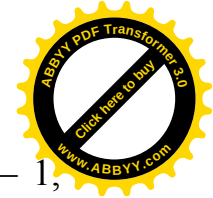
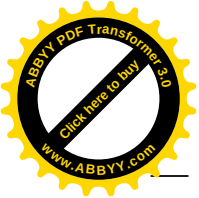
Всего выявлено 210 глаголов, в том числе: в орхонских текстах — 149, в енисейских эпитафиях — 65, в восточно-туркестанских надписях — 130. Из них 144 (68,5%) лексические единицы имеют параллели в якутском языке. Количественное соотношение якутско-древнетюркских параллелей в отдельных видах памятников представлено так: в орхонских текстах — 112 (75,1%), в енисейских эпитафиях — 48 (73,8%), в восточно-туркестанских надписях — 95 (73%).

Количество якутских репрезентаций в тюркских и монгольских языках таково: в алтайском — 125 [92/32/1] (86,8%), в хакасском — 122 [88/33/1] (4,7%), в тувинском — 119 [6/20] (68,4%), в киргизском — 128 [93/34/1] (88%), в уйгурском — 123 [91/31/1] (85,4%), в монгольском — 90 [65/24/1] (62,5%), в бурятском — 79 [57/22] (54,8%), в среднемонгольском — 57 [41/16] (39,5%), в письменно-монгольском — 84 [60/22/1] (58,3%).

В древнетюркских памятниках превосходящее количество якутских репрезентаций отмечается в текстах орхонских надписей. По количеству выявленных лексических параллелей к якутскому языку близко находятся из группы тюркских языков киргизский (88,0%) и алтайский (86,8%), из группы монгольских языков — халха-монгольский (62,5%) и письменно-монгольский (58,3%). Несколько отдалены от якутского тувинский (82,6%) и среднемонгольский (39,5%) языки. В бурятском, среднемонгольском, письменно-монгольском языках высокий процент якутских репрезентаций выявлен в двухсложных основах, в остальных языках — в односложных. Здесь исключение составляет хакасский язык, где процент лексических рефлексов в односложных и двухсложных основах одинаков. По количеству лексических рефлексов древнетюркскому языку близки киргизский (86,6%) и уйгурский (83,3%) из тюркской группы языков, халха-монгольский (57,1%) и письменно-монгольский (53,8%) из монгольской группы языков.

Б. Структурная и семантическая характеристика

Древнетюркские основы представлены структурными типами: ОС: V — 2, VC — 40, CV — 5, VCC — 4, CVC — 89, CVCC — 3 ; ДС: VCV — 7, VCVC

— 12, CVCV — 18, VCCV — 9, CVCCV — 12, CVCVC — 4, VCCVC — 1, CVCCVC — 3, VCVCV — 1. Распределение якутских лексических параллелей по структурным типам выглядит таким образом: ОС: V — 2, VC — 23, CV — 5, VCC — 3, CVC — 69, CVCC — 2; ДС: VCV — 4, VCVC — 7, CVCV — 9, VCCV — 4, CVCVC — 3, VCCVC — 1, CVCCV — 10, CVCCVC — 1, VCVCV — 1.

Из выявленных 144 [104/39/1] древнетюркско-якутских параллелей совпадение структурного оформления лексемы отмечается в 74 (51,3%) случаях, в том числе в ОС — 63 (60,5%), в ДС — 11 (28,2%). Сходство структуры древнетюркских параллелей в других тюркских и монгольских языках характеризуется так: в алтайском — из 160 [114/45/1] в 123 [93/30/0] (76,8%), в хакасском — из 163 [113/49/1] в 126 [92/34] (77,3%), в тувинском — из 158 [113/45] в 115 [88/27] (72,7%), в киргизском — из 182 [117/54/1] в 141 [110/31] (77,4%), в уйгурском — из 175 [123/51/1] в 132 [106/26] (75,4%), в халха-монгольском — из 120 [82/37/1] в 9 [7/2] (7,5%), в бурятском — из 109 [75/34] в 7 [2/5] (6,4%), в среднемонгольском — из 79 [54/25] в 14 [4/10] (17,7%), в письменно-монгольском — из 113 [78/34/1] в 16 [4/12] (14,1%).

Большое количество лексических рефлексов, идентичных древнетюркским параллелям, наблюдается в киргизском, алтайском, хакасском языках. Более отдален якутский язык. В этом отношении из группы монгольских языков к языку древнетюркских памятников близки среднемонгольский и письменно-монгольский.

Количественный анализ конгруэнтности структурных типов тюрко-монгольских рефлексов по отношению к якутским параллелям представляется таким образом: в алтайском — из 124 [92/31/1] в 76 [63/13/0] (61,2%), в хакасском — из 121 [88/32/1] в 70 [58/12] (57,8%), в тувинском — из 119 [90/29] в 68 [60/8] (57,1%), в киргизском — из 127 [92/34/1] в 81 [69/12] (63,7%), в уйгурском — из 123 [91/31/1] в 80 [69/11] (65%), в халха-монгольском — из 90 [65/24/1] в 9 [5/4] (10%), в бурятском — из 79 [57/22] в 5 [2/3] (6,3%), в среднемонгольском — из 57 [41/16] в 11 [5/6] (19,2%), в письменно-монгольском — из 83 [60/22/1] в 9 [6/3] (10,8%).

На основе этих данных отметим, что из тюркской группы языков к якутскому ближе всех уйгурский и киргизский языки, из монгольских — среднемонгольский язык.

При сравнении семантических особенностей глаголов определено, что по отношению к древнетюркским параллелям высокий показатель УЛЗ рефлексов отмечается во всех тюркских языках. Достаточно высокий показатель имеют алтайский (88,5%) и уйгурский (88,5%) языки. Более низкий показатель в якутском языке (75,6%). В этом отношении из группы монгольских языков преимущество имеет среднемонгольский (43,3%). Во всех монгольских и якутском языках УЛЗ параллелей отмечается в двухсложных основах, в остальных языках — в односложных.

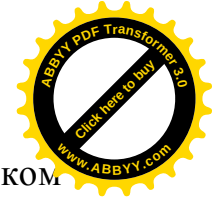
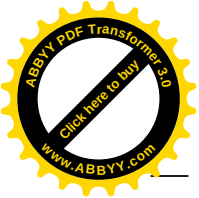
Количественная характеристика тюркских и монгольских рефлексов с УЛЗ представлена в табл. 1.

Количественная характеристика тюркских и монгольских рефлексов с УЛЗ

Язык	Количество рефлексов с УЛЗ						
	Односложные		Двухсложные				
	VC	CVC	VCV	VCVC	VCCV	CVCCV	CVCV
Якутский	16 (23) [69,5%]	53 (69) [76,8%]		7 (7) [100%]		8 (10) [80%]	
Алтайский	25 (29) [86,2%]	70 (75) [93,3%]					12 (15) [80%]
Хакасский	26 (29) [89,6%]	70 (75) [93,3%]	6 (7) [85,7%]	7 (9) [77,7%]			
Тувинский	26 (29) [89,6%]	66 (75) [88%]	6 (7) [85,7%]	5 (6) [83,3%]	5 (6) [83,3%]		
Киргизский	30 (34) [88,2%]	80 (83) [96,3%]			5 (6) [83,3%]	9 (11) [81,8%]	
Уйгурский	28 (32) [87,5%]	77 (81) [95%]		6 (7) [85,7%]			14 (17) [82,3%]
Халха-мон- гольский	7 (25) [28%]	20 (48) [41,6%]					9 (13) [69,2%]
Бурятский		20 (45) [44,4%]					5 (12) [41,6%]
Среднемон- гольский	6 (20) [30%]	11 (28) [39,2%]					7 (10) [70%]
Письменно- монгольский	6 (24) [25%]	23 (48) [47,9%]					8 (13) [61,5%]

Анализ устойчивости и изменчивости лексических значений тюрко-монгольских параллелей по отношению к якутским формам показывает, что высокий процент лексических единиц с УЛЗ наблюдается в киргизском (80,1%) и древнетюркском (75,6%) языках. В этом плане из монгольской группы к якутскому языку наиболее близок среднемонгольский (35,5%). В алтайском, тувинском, киргизском, среднемонгольском и письменно-монгольском языках УЛЗ рефлексов отмечается в односложных основах, в остальных языках — в двухсложных.

В тюркских и монгольских языках параллели с УЛЗ выявляются в структурных типах: в алтайском языке ОС: VC — 15 (21) [71,4%], VCC — 2 (2) [100%], CVC — 48 (52) [92,3], ДС: VCV — 3 (4) [75%], VCVC — 3 (3) [100%], CVCCV — 7 (10) [70%], ТС: VCVCV — 1 (1) [100%]; в хакасском языке ОС: VC — 12 (18) [66,6%], VCC — 2 (2) [100%], ДС: VCV — 4 (4) [100%], VCVC — 5 (5) [100%], CVCV — 6 (9) [66,6%], CVCCV — 6 (9) [66,6%], ТС: VCVCV — 1 (1) [100%]; в тувинском языке ОС: CV — 4 (5) [80%], VCC — 2 (2) [100%], CVC

— 47 (61) [77%], ДС: VCV — 3 (4) [75%], VCVC — 4 (4) [100%]; в киргизском языке ОС: VC — 14 (20) [70%], VCC — 2 (2) [100%], CVC — 49 (65) [75,3%], ДС: VCV — 3 (4) [75%], VCVC — 3 (4) [75%], CVCCV — 7 (9) [77,7%], ТС: VCVCV — 1 (1) [100%]; в уйгурском языке ОС: VC — 13 (20) [65%], VCC — 3 (3) [100%], CVC — 48 (62) [77,4%], ДС: VCV — 3 (3) [100%], VCVC — 5 (5) [100%], VCCV — 2 (4) [50%], ТС: CVCCVCV — 1 (1) [100%], VCVCV — 1 (1) [100%]; в халха-монгольском языке ОС: V — 1 (1) [100%], CV — 1 (4) [25%], VCC — 1 (2) [50%], CVC — 14 (40) [35%], ДС: VCV — 1 (2), CVCV — 4 (9) [44,4%]; ТС: VCVCV — 0 (1); в бурятском языке ОС: VCC — 1 (2) [50%], CVC — 13 (36) [36,1%], CVCC — 1 (1) [100%], ДС: VCV — 1 (2) [50%], CVCCV — 2 (7) [28,5%]; в среднемонгольском языке ОС: VC — 3 (13) [23%], CV — 2 (2) [100%], CVC — 10 (23) [43,4%], ДС: CVCV — 3 (7) [42,8%], CVCVC — 1 (1) [100%]; в письменно-монгольском языке ОС: CVC — 14 (39) [35,8%], ДС: VCV — 1 (2) [50%], CVCV — 3 (9) [33,3%].

УСФСК тюрко-монгольских параллелей в отношении якутских параллелей представляется так: в орхонских текстах — 51/10 [86/26] (54,4%), в енисейских эпитафиях — 24/5 [37/11] (60,4%), в восточно-туркестанских надписях — 41/7/0 [73/24/1] (48,9%); в тюркских языках: в алтайском — 52/8/0 [92/32/1] (48%), в хакасском — 47/9/0 [88/33/1] (45,9%), в тувинском — 52/6 [90/29] (48,7%), в киргизском — 55/9/0 [93/34/1] (50%), в уйгурском — 52/10 [91/29] (51,6%); в монгольских языках: в халха-монгольском — 1/2/0 [65/24/1] (3,3%), в бурятском — 0/1 [57/22] (1,2%), в среднемонгольском — 2/4 [41/16] (10,5%), в письменно-монгольском — 2/3/0 [57/20/1] (6,4%).

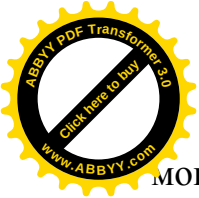
Высокий процент УСФСК тюрко-монгольских рефлексов отмечается в текстах енисейских памятников, киргизском и уйгурском языках. Из монгольских языков ближе всех среднемонгольский.

По количеству УФСК тюркских и монгольских репрезентаций в отношении якутских параллелей выглядит таким образом: в орхонских — 13, в енисейских — 9, в восточно-туркестанских — 14; в алтайском — 11, в хакасском — 12, в тувинском — 10, в киргизском — 14, в уйгурском — 16.

Шестая глава «Структурные и лексико-семантические особенности параллелей в наречиях и служебных частях речи» состоит из двух параграфов.

В параграфе 6.1 «Наречные слова, выражающие локальные, временные и другие отношения» установлено, что при написании изолированных форм не наблюдается заметных отступлений от основных орфографических правил рукописных текстов. Только в одном случае обнаружено различное фиксирование основы күйтүз 'днем': 𐰉𐰺𐰽𐰸𐰸 [КТб. 27], 𐰉𐰺𐰽𐰸𐰸 [Тон. 12], 𐰉𐰺𐰽𐰸𐰸 [Тон. 52].

В древнетюркских памятниках всего выявлено 26 наречий, в том числе в орхонских памятниках — 22, в енисейских эпитафиях — 5, в восточно-туркестанских текстах — 14. Из 26 древнетюркских наречий 18 (69,2%) имеют лексические параллели в якутском языке. При количественном анализе определяется, что к якутскому языку близки из тюркской группы языков — уйгурский (83,3%) и киргизский (77,7%), из группы монгольских языков — халха-

монгольский (44,4%) и бурятский (33,3%). Несколько отдалены от якутского хакасский (66,6%) и среднемонгольский, письменно-монгольский (по 22,2%) языки. В уйгурском языке высокий процент якутских репрезентаций наблюдается в односложных основах, в остальных языках — в двухсложных. По числу лексических рефлексов к древнетюркскому языку близки киргизский (65,3%), якутский (69,2%), уйгурский (61,5%) из тюркской группы языков, халха-монгольский язык (38,4%) из монгольской группы.

Среди тюркских и монгольских параллелей высокий процент наречий, идентичных древнетюркским формам, имеется в хакасском (69,2%), тувинском (71,4%) языках. Якутский язык более отдален (44,4%). Из монгольских языков к языку древнетюркских памятников несколько близок письменно-монгольский (40%). Этот показатель в остальных языках таков: в алтайском — 57,1%, в киргизском — 58,8%, в уйгурском — 62,5%, в халха-монгольском — 0%, в бурятском — 25%, в среднемонгольском — 20%.

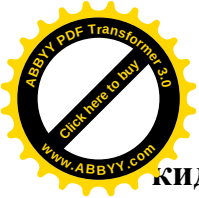
Структурно-фонетические сдвиги в якутских наречиях произошли: а) при появлении в ауслауте аффикса **-х**: як. **антах**; б) при появлении в середине основы гласного [а], [ə]: як. **утары**, **төттөрү**; в) при выпадении согласного [т]: як. **күнүс**; г) при внутриязыковых изменениях аффиксов: як. **аны**, **аллара**.

По устойчивости структурных типов якутских и тюрко-монгольских параллелей большое количество наречий, соотносимых с якутскими формами, выявляется в киргизском (64,2%) и алтайском (61,5%) языках. Меньшее количество отмечается в древнетюркском (44,4%) и тувинском (46,1%). В этом отношении из монгольской группы языков к якутскому более близки письменно-монгольский и среднемонгольский (по 50%).

Следует отметить, что в наречиях наблюдаются оппозиционные к древнетюркским формам якутско-тюркские и якутско-монгольские параллели: а) якутско-тюркские: як. **утары** // алт. **удура**, кирг. **утуру**, як. **төгүрүк** // алт. **тегерик**, кирг. **тегерек**; б) якутско-монгольские: як. **өтөр** // монг. **өдөр**; як. **утары** // п.-монг. **udu[ri]**; як. **төгүрүк** // монг. **дугариг**, бур. **түхэрээ(н)**, ср.-монг. **togarik**, п.-монг. **dögürig**.

В результате сравнения семантических особенностей тюркских и монгольских параллелей по отношению к древнетюркским формам выясняется, что максимальное количество наречий с УЛЗ отмечается в тувинском (78,5%) и хакасском (69,2%) языках. В этом отношении из монгольских языков преимущество имеет среднемонгольский (40%). Большой процент лексических параллелей с УЛЗ выявляется в якутском языке в структурном типе VCCV — 85,7%, в уйгурском языке — в типе VCCV — 83,3%, в алтайском, хакасском, тувинском, киргизском языках — VCCV по 100%.

В якутском языке семантические изменения наречий обнаруживаются в следующих лексических единицах: ЗЛИ: ТС CVCVCV — др.-тюрк. **бәријә** ‘направо, на юг’ // як. **бэртэх** ‘сюда’; др.-тюрк. **тәгирә** ‘вокруг’ // як. **төгүрүк** ‘круг, окружность’; НЛИ: VCCV — др.-тюрк. **өтрү** ‘потом, затем’ // як. **өтөр** ‘скоро, в ближайшее время, недавно’; CVCV — др.-тюрк. **коды** ‘вниз’ // як. **хоту** ‘север’; CVCVC — др.-тюрк. **јарын** ‘утром’ // як. **сарсын** ‘завтра’; др.-тюрк.

кидин ‘сзади’ // **кэлин: кэлин өттө** ‘зад, задняя часть, задняя сторона; потом, после’.

Оценивая устойчивость и изменчивость лексических значений тюркских и монгольских параллелей по отношению к якутским формам, пришли к выводу, что высокий процент наречий с УЛЗ отмечается в хакасском (91,6%) и тувинском (84,6%) языках. Из монгольских языков к якутскому довольно близким оказался среднемонгольский (75%).

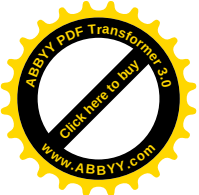
По отношению УСФСК тюркских и монгольских наречий к якутским аналогам высокий процент УСФСК тюркских и монгольских рефлексов имеется в киргизском (50%) и алтайском (46,1%) языках. В этом плане из монгольской группы отличается среднемонгольский язык (50%). УСФСК параллелей по отношению к якутским репрезентациям наблюдается в формах: як. **орто** ‘середина’ // алт. **орто** ‘середина, средний, среди’, кирг. **орто** ‘середина; средний (между чем.-л.); середняк’.

В параграфе 6.2 «Послелого и служебные слова» представлены 14 основ, из них 9 (64,2%) имеют параллели в якутском языке. Количественное соотношение параллелей в отдельных группах памятников таково: в орхонских текстах из 12 основ в якутском языке лексические рефлексy имеют 9 (64,2%), в енисейских эпитафиях из 5 выявляется 4 параллели (80%), в восточно-туркестанских рукописных текстах отмечается абсолютный показатель.

По количеству лексических параллелей наиболее близко к якутскому стоят из тюркской группы языков — киргизский (88,8%), уйгурский (88,8%), из монгольской группы языков — среднемонгольский (66,6%). Следует заметить, что в среднемонгольском языке процент якутских репрезентаций выше, чем в тувинском языке. Данное явление объясняется, вероятно, тем, что якутский и среднемонгольский языки когда-то имели очень тесный контакт. Большое количество якутских лексических параллелей встречается во всех тюркских языках и в халха-монгольском языке в односложных основах, а в среднемонгольском языке — в двухсложных. Данный показатель в бурятском и письменномонгольском языках равен как в односложных, так и в двухсложных основах.

По количеству выявленных лексических рефлексy к древнетюркскому языку близко стоит киргизский язык (78,5%) из тюркской группы, среднемонгольский язык (57,1%) из монгольской группы. Более отдалены от древнетюркского тувинский (50%) и бурятский (28,5%), письменномонгольский (28,5%) языки.

Большой процент послелогов и служебных слов, идентичных древнетюркским формам, по структуре имеется в уйгурском (100%) и киргизском (90,9%) языках. Несколько отдалены якутский, алтайский, хакасский (по 77,7%) языки. Из монгольских языков к языку древнетюркских памятников в некоторой степени близок среднемонгольский (62,5%). В якутском языке изменения структуры лексических параллелей выявляются в основах: др.-тюрк. **сайу** // **аайы**; др.-тюрк. **табы** // як. **даҕаны**. Структурные изменения в якутских основах произошли: а) при выпадении в анлауте [с]: др.-тюрк. **сайу** // як. **аайы**; б) при появлении специфического аффикса **-ны**: як. **даҕаны**.

Структурные типы послелогов и служебных слов по устойчивости и изменчивости распределились так: якутскому языку наиболее близки из тюркской группы языков — тувинский (80%) и древнетюркский (77,7%), из монгольской группы языков — письменно-монгольский (66,6%). Более отдаленную позицию занимают алтайский, хакасский, халха-монгольский, бурятский, среднемонгольский языки.

Семантические особенности тюркских и монгольских послелогов и служебных слов в сравнительном аспекте дают следующие описания: по отношению к древнетюркским формам высокий показатель УЛЗ основ отмечается в тувинском (100%) и киргизском (90,2%) языках. В группе монгольских языков наиболее высокий показатель УЛЗ послелогов и служебных слов наблюдается в среднемонгольском (62,5%) и халха-монгольском (60%). В якутском и письменно-монгольском языках УЛЗ послелогов и служебных слов выявляется в односложных основах, а в остальных тюрко-монгольских языках — в двухсложных.

По отношению к якутским формам высокий показатель УЛЗ основ послелогов и служебных слов тюркских и монгольских языков с точки зрения их семантических особенностей наблюдается в древнетюркском (77,7%) и тувинском (80%) языках. В этом плане из монгольских языков к якутскому наиболее близок среднемонгольский (50%).

Анализ тюркских и монгольских рефлексов показал, что в отношении якутских параллелей большой процент УСФСР рефлексов — в тувинском языке (80%) и языке енисейских памятников (75%). В остальных языках данный показатель таков: в орхонских надписях — 62,5%, в восточно-туркестанских текстах — 57,1%; в тюркских языках: в алтайском — 42,8%, в хакасском — 57,1%, в киргизском — 50%, в уйгурском — 62,5%; в монгольских языках: в халха-монгольском, бурятском, письменно-монгольском — 0%, в среднемонгольском — 25%.

УСФСР параллелей по отношению к якутским репрезентациям наблюдается в формах: як. **да** усилит. выдел. частица // уйг. (рун.) **da** усилит. выдел. частица; як. **тэн** 'равный' // уйг. **təŋ** 'равный, одинаковый, соответственный'.

Таким образом, результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать следующие основные выводы:

1. В текстах древнетюркской письменности выявлено всего 660 [ОС — 320/ДС — 325/ТС — 15] непроединных основ и изолированных форм. Количество лексических единиц в отдельных группах письменных памятников таково: в орхонских надписях 448 [ОС — 245/ДС — 197/ТС — 6], в енисейских эпитафиях 253 [ОС — 133/ДС — 118/ТС — 2] и в восточно-туркестанских рукописных текстах 379 [ОС — 197/ДС — 172/ТС — 10].

Из 660 древнетюркских основ в якутском языке параллели имеют 484 (73,3%). В орхонских надписях из 448 основ лексические соответствия в якутском языке имеют 363 (81%), в енисейских эпитафиях из 253 выявляется 190 (75%) параллелей, в восточно-туркестанских рукописных текстах из 379 — 293 (77,3%) параллелей.

Высокий процент якутских репрезентаций отмечается в ОС — 249 [320] (77,8%) и ТС — 14 [15] (93,3%) основах, в ДС показатель несколько ниже — 221 [325] (68%). Этот показатель в письменных памятниках таков: в орхонских памятниках ОС — 79,9%, ДС — 79,1%, ТС — 83,3%, в енисейских эпитафиях ОС — 73,6%, ДС — 72%, ТС — 100%, в восточно-туркестанских рукописных текстах ОС — 78,1%, ДС — 72,6%, ТС — 100%.

2. По количеству выявленных параллелей из тюркской группы к якутскому языку близко стоит киргизский язык — 423 (89%) [ОС — 216 (90%), ДС — 193 (87,3%), ТС — 14 (100%)], более отдален тувинский язык — 380 (80%) [ОС — 206 (85,8%), ДС — 164 (72,2%), ТС — 10 (71,4%)]. В остальных тюркских языках количество якутских лексических рефлексов представлено так: в алтайском 413 (86,9%) [ОС — 219 (91,2%), ДС — 181 (81,9%), ТС — 13 (92,8%)], в уйгурском 406 (85,4%) [ОС — 212 (88,3%), ДС — 183 (82,8%), ТС — 11 (78,5%)], в хакасском 400 (84,6%), [ОС — 207 (86,2%), ДС — 180 (81,4%), ТС — 13 (92,8%)]. Высокий процент якутских репрезентаций в тувинском, уйгурском языках отмечается в односложных основах, в алтайском, хакасском, киргизском — в трехсложных. В трехсложных основах абсолютное количество якутских репрезентаций выявляется только в киргизском языке.

В этом отношении из монгольской группы языков к якутскому ближе стоит халха-монгольский — 288 (60,6%) [ОС — 146 (60,8%), ДС — 134 (60,6%), ТС — 8 (57,1%)], более отдален среднемонгольский. В остальных монгольских языках количество якутских параллелей следующее: в бурятском 254 (53,4%) [ОС — 125 (52%), ДС — 123 (55,6%), ТС — 6 (42,8%)], в письменномонгольском 224 (47,1%) [ОС — 114 (47,5%), ДС — 102 (46,1%), ТС — 8 (57,1%)], в среднемонгольском 199 (41,8%) [ОС — 89 (37%), ДС — 103 (45,6%), ТС — 7 (50%)]. Высокий процент якутских параллелей в трехсложных основах отмечается в среднемонгольском, письменномонгольском языках, в односложных — в халха-монгольском, в двухсложных — в бурятском.

3. По количеству обнаруженных лексических рефлексов из тюркской группы языков к языку древнетюркских памятников близко стоит киргизский — 538 [ОС — 277/ДС — 247/ТС — 14] (81,5%), несколько отдалены тувинский 466 [ОС — 247/ДС — 209/ТС — 10] (70,6%) и якутский 475 [ОС — 240/ДС — 207/ТС — 14] (71,9%) языки. В остальных тюркских языках количество древнетюркских параллелей таково: в уйгурском 511 [ОС — 267/ДС — 233/ТС — 11] (76,1%), в алтайском 504 [ОС — 265/ДС — 226/ТС — 13] (76%), в хакасском 489 [ОС — 252/ДС — 224/ТС — 13] (74%). Из монгольской группы языков к древнетюркскому более близкую позицию занимает халха-монгольский — 363 [ОС — 180/ДС — 175/ТС — 8] (55%), несколько отдален среднемонгольский язык. В остальных монгольских языках количество древнетюркских параллелей представлено так: в бурятском 321 [159/156/6] (48,6%), в письменномонгольском 284 [145/131/8] (43%). Следует заметить, что близость халха-монгольского языка к древнетюркскому четко отражается не только в орхонских текстах, но и в енисейских эпитафиях и восточно-туркестанских рукописных текстах.

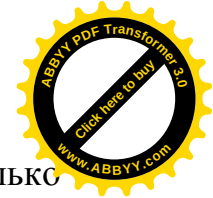
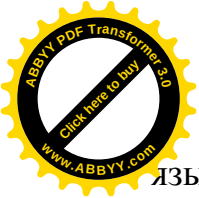
4. Лексико-семантический анализ показывает, что высокий процент

древнетюркско-якутских параллелей выявляется в следующих тематических группах и частях речи: а) наименования частей тела и организма: др.-тюрк. — 100% [орх. — 100%, ен. — 100%, вост.-тюрк. — 100%], б) числительные: др.-тюрк. — 94,1% [орх. — 94,1%, ен. — 93,7%, вост.-тюрк. — 93,3%], в) слова, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер: др.-тюрк. — 82,1 [орх. — 90,9%, ен. — 100%, вост.-тюрк. — 82,3%], г) наименования природных явлений (полезные ископаемые): др.-тюрк. — 81,8 [орх. — 94,5%, ен. — 81,2%; вост.-тюрк. — 85,7%]. В остальных тематических группах и частях речи соотношение древнетюркских и якутских параллелей следующее: а) местоимения: др.-тюрк. — 76,4% [орх. — 86,6%, ен. — 75%, вост.-тюрк. — 69,2%]; б) названия животных и птиц: др.-тюрк. — 74,5% [орх. — 84,2%, ен. — 82,3%, вост.-тюрк. — 78%]; в) термины родства: др.-тюрк. — 72,2% [орх. — 81,8%, ен. — 71,4%; вост.-тюрк. — 76,4%]; г) названия жилищ, предметов быта: др.-тюрк. — 69,8% [орх. — 77,7%, ен. — 50%, вост.-тюрк. — 75%]; д) глаголы, выражающие движения, действия, состояния: др.-тюрк. — 72,2% [орх. — 77,2%, ен. — 71,1%, вост.-тюрк. — 75,7%]; е) наречные слова, выражающие локальные, временные и другие отношения: др.-тюрк. — 73% [орх. — 74%, ен. — 70%, вост.-тюрк. — 85,7%]; ж) названия абстрактных понятий: др.-тюрк. — 68,7% [орх. — 91,3%, ен. — 73,6%, вост.-тюрк. — 62,9%]; з) наименования явлений общественной жизни: др.-тюрк. — 64,4% [орх. — 65%, ен. — 66,6%, вост.-тюрк. — 77,7%]; и) послелогов и служебные слова: др.-тюрк. — 64,3% [орх. — 66,6%, ен. — 80%, вост.-тюрк. — 100%]; к) глаголы, выражающие чувства, эмоции, процессы мышления и речи: др.-тюрк. — 63,6% [орх. — 73%, ен. — 69,2%, вост.-тюрк. — 70,3%]; л) слова, выражающие внутренние, относительные признаки и качественные состояния: орх. — 75%, ен. — 46%, вост.-тюрк. — 50%, др.-тюрк. — 53,5%.

Большое количество якутских репрезентаций выявляется в основном в лексико-семантических группах орхонских памятников. В тематической группе «слова, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер» доминируют енисейские тексты; в наименованиях явлений общественной жизни, в наречиях, послелогах и служебных словах наиболее высокий процент якутских параллелей отмечается в восточно-туркестанских текстах.

5. Из 484 [ОС — 249/ДС — 221/ТС — 14] древнетюркско-якутских параллелей совпадение структурного типа лексемы встречается в 278 (57,4%) случаях, в том числе в ОС — 159 (63,8%), в ДС — 119 (53,8%). Сравнительный анализ лексических параллелей показывает, что в якутском языке произошли заметные структурные изменения фономорфологического характера.

5.1. В тюркских языках большой процент лексических рефлексов, идентичных древнетюркским формам, выявляется в уйгурском (77,8%) и киргизском (76,5%) языках. В остальных тюркских языках этот показатель оказался несколько ниже: в хакасском — 73,2%, в алтайском — 71,8%, в тувинском — 71,4%. Во всех тюркских языках большое количество лексических рефлексов, идентичных древнетюркским формам, наблюдается в односложных основах. В монгольских языках наиболее высокий процент рефлексов, совпадающих по структуре с древнетюркскими параллелями, отмечается в среднемонгольском

языке — 33,3%. В других монгольских языках данный показатель несколько ниже: в письменно-монгольском — 26,7%, в халха-монгольском — 25,8%, в бурятском — 24,6%. Во всех монгольских языках превосходящее большинство лексических рефлексов, идентичных древнетюркским параллелям, выявляется в двухсложных основах.

5.2. Высокий процент лексических рефлексов, тождественных древнетюркским формам, наблюдается в уйгурском языке в следующих тематических группах: 1) наименования частей тела и организма; 2) названия жилищ, предметов быта; 3) наименования явлений общественной жизни; 4) основы, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер; 5) основы, выражающие внутренние, относительные признаки и качественные состояния; 6) послелогии и служебные слова. Аналогичный показатель также выявляется в киргизском языке в группах и частях речи: 1) названия животных и птиц; 2) названия абстрактных понятий; 3) местоимения; 4) глаголы, выражающие чувства, эмоции, процессы мышления и речи; в алтайском языке — в терминах родства; в хакасском языке в группах: 1) наименования природных явлений (полезных ископаемых); 2) числительные; 3) основы, выражающие движения, действия, состояния; в тувинском языке — в наречиях.

5.3. Наиболее высокий процент монгольских рефлексов, идентичных древнетюркским формам, обнаруживается в среднемонгольском языке в тематических группах: 1) наименования природных явлений (полезных ископаемых); 2) наименования явлений общественной жизни; 3) основы, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер; 4) прилагательные, выражающие внутренние, относительные признаки и качественные состояния; 5) основы, выражающие чувства, эмоции, процессы мышления и речи; 6) основы, выражающие движения, действия, состояния; 7) послелогии и служебные слова. Подобный показатель наблюдается в халха-монгольском языке в группах и частях речи: 1) наименования частей тела и организма; 2) названия жилищ, предметов быта; 3) названия абстрактных понятий; 4) числительные; 5) местоимения; в бурятском языке — в терминах родства; в письменно-монгольском языке — в названиях животных и птиц, в наречиях.

6. Большое количество лексических рефлексов, конгруэнтных с якутскими параллелями, отмечается в тюркской группе — в алтайском (64,8%) и киргизском (64,5%) языках, в монгольской группе — в среднемонгольском языке (30,1%). Несколько отдаленную позицию занимают тувинский (59,4%) и письменно-монгольский (23,2%). Этот показатель в остальных языках представляется так: в хакасском — 61%, в тувинском — 59,4%, в уйгурском — 60,3%, в халха-монгольском — 23,6%, в бурятском — 24%, в среднемонгольском — 30,1%, в письменно-монгольском — 23,2%. В тюркских языках большое количество рефлексов, тождественных с якутскими формами, выявляется в односложных основах, в монгольских языках — в двухсложных основах. Наиболее высокий показатель отмечается в ДС — 58% и в ТС — 38,3% в алтайском языке, в ОС — 77,3% в киргизском. В этом плане в монгольской группе языков доминируют халха-монгольский (ОС — 23,2%, ТС — 12,5%) и среднемонгольский (ДС — 38,8%).

7. В результате сравнительного анализа семантических особенностей тюркских лексических рефлексов по отношению к древнетюркским параллелям можно утверждать, что в сопоставляемых тюркских языках показатель УЛЗ рефлексов не имеет существенных различий. Однако наиболее высокий процент УЛЗ параллелей отмечается в уйгурском языке (83,7%). В остальных тюркских языках количество рефлексов с УЛЗ представлено так: в алтайском — 82,9%, в киргизском — 82,8%, в тувинском — 82,6%, в хакасском — 80,7%, в якутском — 69,6%. Во всех тюркских языках высокий процент УЛЗ рефлексов выявляется в односложных основах. В якутском языке показатель УЛЗ рефлексов в односложных, двухсложных, трехсложных основах не имеет существенных различий.

В тюркских языках более устойчивыми являются структурные типы CVC, VCCV, в которых средний процент рефлексов с УЛЗ составляет 90,9%. В структурном типе CVC самый высокий процент отмечается в киргизском языке (93,2%). Данный показатель в остальных структурных типах (в которых имеется необходимое количество основ для анализа) составляет в ОС: VC — 88%, VCC — 84,3%, CV — 78,5%, CVCC — 68,8%; в ДС: CVCCV — 76,9%, VCCVC — 75%, CVCVC — 74,4%, CVCV — 74,5%, VCV — 71,1%. VCVC — 74,2%. Абсолютное количество лексических рефлексов с УЛЗ наблюдается: в алтайском языке в ОС: VCC — 6 (6) [100%], в ДС: VCCV — 21 (21) [100%], в ТС: CVCVCCVC — 3 (3) [100%]; в хакасском языке ДС: VCCV — 15 (15) [100%], ТС: CVCVCCVC — 3 (3) [100%]; в тувинском языке ОС: CVCC — 8 (8) [100%] (см.: рис. 34, 35).

Высокий процент тюркских рефлексов с УЛЗ выявляется в тематических группах и частях речи: а) имена числительные (94,9%), б) названия животных и птиц (94,4%), в) основы, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер (94,1%), г) наименования природных явлений (полезные ископаемые) (91,4%). Низкий показатель обнаруживается в наименованиях явлений общественной жизни (52,1%) и в терминах родства (59,7%).

7.1. В тюркских языках высокий показатель УЛЗ древнетюркских параллелей отмечается в тувинском и уйгурском языках. В тувинском языке УЛЗ основ выявляется в шести лексико-семантических группах и частях речи, а именно: 1) в названиях животных и птиц; 2) основах, выражающих качественные признаки, формы, цвет и размер; 3) основах, выражающих внутренние, относительные признаки и качественные состояния; 4) числительных; 5) наречиях; 6) послелогах и служебных словах; в уйгурском языке — в группах и частях речи: 1) наименования частей тела и организма; 2) названия жилищ, предметов быта; 3) основы, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер; 4) числительные; 5) местоимения; 6) глаголы, выражающие движения, действия, состояния; в алтайском языке — в группах: 1) термины родства; 2) наименования природных явлений (полезных ископаемых); в хакасском языке — в названиях абстрактных понятий; в киргизском языке — 1) в наименованиях явлений общественной жизни; 2) числительных; 3) глаголах, выражающих чувства, эмоции, процессы мышления и речи.

8. В монгольских языках наиболее высокий показатель рефлексов с УЛЗ отмечается в среднемонгольском (55,4%). В остальных монгольских языках данный показатель оказался несколько ниже: в халха-монгольском — 47,9%, в письменно-монгольском — 46,4%, в бурятском — 45,4%. В халха-монгольском и бурятском языках УЛЗ параллелей отмечается в трехсложных основах, в среднемонгольском и письменно-монгольском языках — в двухсложных основах.

В монгольских языках более устойчивыми являются структурные типы: в ОС SVC — 53,6%, в ДС CVCV — 62,9%, VCCVC — 80%. Общая картина монгольских рефлексов с УЛЗ представляется так: в халха-монгольском языке в ОС: VC — 40,8%, CV — 50%, SVC — 52,3%; в ДС: CVCV — 67,6%, CVCVC — 56,5%, CVCCVC — 46,1%; в бурятском языке в ОС: VC — 31,7%, SVC — 53,5%; в ДС: CVCV — 48,4%, CVCCVC — 57,1%; в среднемонгольском языке в ОС: SVC — 58,2%; в ДС: CVCV — 73%, CVCVC — 55,5%, CVCCVC — 66,6%; в письменно-монгольском языке в ОС: SVC — 52,1%; в ДС: CVCV — 64,5%, CVCVC — 48,6%. Высокий процент рефлексов с УЛЗ выявляется в тематических группах: а) названия животных и птиц (74,5%), б) местоимения (73,5%), в) наименования природных явлений (полезные ископаемые) (71,2%). Более низкий показатель обнаруживается в наименованиях частей тела и организма (13,1%) и в наречиях (25,6%).

В монгольских языках высокий показатель УЛЗ древнетюркских параллелей отмечается в среднемонгольском в тематических группах и частях речи: 1) наименования природных явлений (полезных ископаемых); 2) названия животных и птиц; 3) названия жилищ, предметов быта; 4) наименования явлений общественной жизни; 5) основы, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер; 6) числительные; 7) глаголы, выражающие чувства, эмоции, процессы мышления и речи; 8) глаголы, выражающие движения, действия, состояния; 9) наречия; 10) послелог и служебные слова. В остальных монгольских языках данный показатель выглядит следующим образом: в халха-монгольском языке — в наименованиях частей тела и организма, в местоимениях; в бурятском языке — в названиях абстрактных понятий; в письменно-монгольском языке — в терминах родства, в основах, выражающих внутреннее, относительные признаки и качественные состояния.

9. Сравнительный анализ семантических особенностей тюркских лексических рефлексов по отношению к якутским параллелям выявляет, что в тюркских языках показатель УЛЗ рефлексов не имеет заметных различий. Однако более высокий процент УЛЗ параллелей выявляется в хакасском (72,5%), алтайском (72,1%), тувинском (72,1%) языках. Этот показатель в уйгурском (69,4%), киргизском (69,9%) и древнетюркском (69,6%) языках чуть ниже. В большинстве тюркских языков высокий показатель УЛЗ рефлексов наблюдается в трехсложных основах. Исключение составляет только тувинский язык, где УЛЗ рефлексов отмечается в односложных основах. Во всех тюркских языках УЛЗ рефлексов заметно выше в односложных основах, чем в двухсложных.

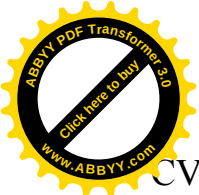
Высокий процент лексических рефлексов с УЛЗ наблюдается в структурных типах: в алтайском языке в ОС: VC — 69,3%, SVC — 75,6%; в ДС:

VCV — 70,5%, VCCV — 92,8%; в TC: CVCVCV — 100%; в хакасском языке в ОС: VC — 71,1%, CVC — 77,4%; в ДС: VCVC — 73,3%, CVCV — 79,3%, CVCVC — 75,4%; в TC: CVCVCV — 83,3%; в тувинском языке в ОС: CVC — 78,4%; в ДС: VCVC — 60,7%, CVCV — 70,8%; в TC: CVCVCV — 66,6%; в киргизском языке в ОС: VC — 70,2%, CVC — 73,4%; в ДС: VCV — 68,7%, VCCV — 80%; в TC: CVCVCV — 80%; в уйгурском языке в ОС: VC — 68,7%, CVC — 71,8%; в ДС: VCV — 68,7%, VCVC — 70%, CVCCV — 82,3%, CVCCVC — 100%; в TC: CVCVCV — 75%.

В тюркских языках более устойчивыми являются основы структурного типа: ОС: CV — 76,1%, CVC — 75,3%, ДС: CVCCVC — 75,7%, VCCV — 74,6%; TC: CVCVCCV — 100%, CVCVCV — 80,7%. Показатель УЛЗ тюркских рефлексов в других структурах (в которых имеется необходимое количество для анализа) составляет: ОС: VC — 71,9%, VCC — 73%, CVCC — 52,6%; ДС: CVCCV — 68,6%, VCCVC — 61,7%, CVCVC — 66,1%, CVCV — 71,6%, VCV — 61,2%, VCVC — 64,6%, CVCCCV — 71,4%. Высокий показатель тюркских рефлексов с УЛЗ наблюдается в тематических группах и частях речи: а) местоимения (85,2%), б) имена числительные (84%), в) названия животных и птиц (82,7%), г) основы, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер (82,2%). Низкий показатель выявляется в наименованиях явлений общественной жизни (46,8%) в названиях жилищ, предметов быта (59,2%).

10. При сравнительном анализе семантических особенностей монгольских лексических рефлексов по отношению к якутским параллелям было установлено, что наиболее высокий показатель УЛЗ лексических рефлексов отмечается в среднемонгольском языке (48,2%). В остальных монгольских языках данный показатель заметно ниже: в халха-монгольском — 38,8%, в бурятском — 39,7%, в письменно-монгольском — 37,5%. Во всех монгольских языках УЛЗ рефлексов отмечается в трехсложных основах. В среднемонгольском, бурятском, письменно-монгольском языках показатель УЛЗ рефлексов выше в односложных основах, чем в двухсложных. В халха-монгольском языке рефлекс с УЛЗ в равной степени отмечаются как в односложных, так и в двухсложных основах.

Более высокий показатель монгольских рефлексов с УЛЗ обнаруживается в структурных типах: в халха-монгольском языке в ОС: VC — 30,5%, CVC — 43%; в ДС: VCVC — 39,1%, CVCV — 52%, CVCCV — 46,6%; в TC: CVCVCV — 75%; в бурятском языке в ОС: CVC — 50,6%; в ДС: VCVC — 35%, CVCV — 59,2%, CVCVC — 30,5%; в TC: CVCVCV — 75%; в среднемонгольском языке в ОС: VC — 39,1%, CVC — 58,9%; в ДС: CVCV — 57,1%, CVCVC — 48,3%; в TC: CVCVCV — 75%; в письменно-монгольском языке в ОС: VC — 33,3%, CVC — 43,4%; в ДС: CVCV — 45,4%, CVCVC — 40%; в TC: CVCVCV — 66,6%. Здесь более устойчивыми являются основы следующих структурных типов: ОС: CVC — 48%, CVCC — 31,2%; ДС: CVCV — 53,6%, VCV — 40,9%; TC: CVCVCV — 73,3%, CVCVCCVC — 50%. Показатель УЛЗ рефлексов в других структурах (в которых имеется необходимое количество для анализа) составляет: ОС: VC — 27,6%, CV — 26,3%, VCC — 20%; ДС: CVCVC — 37,5%, VCVC — 37,3%, VCCVC — 21,7%, VCCV — 14,8%,

CVCCVC — 9%. Большое количество монгольских рефлексов с УЛЗ наблюдается в тематической группе «названия животных и птиц» (58,2%) и местоимениях (54%), а наименьшее число — в наименованиях частей тела и организма (8,5%) и в именах числительных (20,4%).

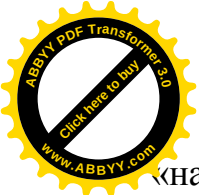
11. В отношении якутских параллелей большой процент рефлексов с УСФСК наблюдается в языке енисейских памятников (54,5%) и в алтайском (51,8%) языке. Среди монгольских языков подобные рефлексы определяются в среднемонгольском (21,1%). В остальных языках картина УСФСК рефлексов такова: в письменных памятниках: в орхонских надписях — 49,3%, в восточно-туркестанских рукописных текстах — 49,1%; в тюркских языках: в алтайском — 51,8%, в хакасском — 47,2%, в тувинском — 47,3%, в киргизском — 48,4%, в уйгурском — 44,7%; в монгольских языках: в халха-монгольском — 9,3%, в бурятском — 6,6%, в письменно-монгольском — 8,6%.

12. По степени устойчивости фоносемантической канвы (УФСК) к якутскому языку близко стоит язык енисейских памятников, где количество рефлексов с УФСК составляет 11,3%. В остальных тюркских и монгольских языках УФСК такова: в орхонских текстах — 7,8%, в восточно-туркестанских рукописных текстах — 10,3%; в тюркских языках: в алтайском — 7,5%, в хакасском — 8,2%, в тувинском — 6,5%, в киргизском — 7,8%, в уйгурском — 7,8%, в монгольских языках: в халха-монгольском — 0,34%, в письменно-монгольском — 0,44%, в бурятском — 0,78%, в среднемонгольском — 1,0%.

В **заключении** подведены итоги диссертационного исследования, которые состоят в следующем:

1. Орфографию системы рунического письма отличают: а) специфичность фиксирования гласных фонем в корневых основах и аффиксах; б) особенность вариации написания согласных (фиксирование особого статуса или полисемии слов, а также различия грамматических значений слов). Определяется генетическая близость орхонских и енисейских текстов, а в восточно-туркестанских текстах отмечены нововведения, изменившие основную систему орфографии классических орхоно-енисейских текстов. В силу этого восточно-туркестанские надписи имеют совершенно другую структуру орфографии, вероятно, более позднюю и модифицированную.

2. Из языков письменных памятников по количеству лексических рефлексов к якутскому близко находится язык орхонских памятников. Однако, учитывая другие показатели, такие как устойчивость структурных и семантических особенностей лексических параллелей и количество абсолютно идентичных лексем, выдвигается версия, что к якутскому языку ближе язык енисейских памятников. Если язык орхонских памятников для якутского является древним ядром, то язык енисейских памятников представляет собой тот древнетюркский язык, с которым якутский соприкасался в более позднее время. В этом плане язык восточно-туркестанских памятников — промежуточное звено между языками орхонских и енисейских памятников. Заметная роль языка енисейских памятников в развитии якутского языка также отмечается в исследовании лексико-семантических групп языка древнетюркских памятников. Высокий процент якутских репрезентаций в таких тематических группах, как

«наименования частей тела и организма», «основы, выражающие движения, действия, состояния», выявляется в языке енисейских памятников.

3. Из современных тюркских языков наиболее близки к якутскому алтайский и киргизский. Близость алтайского языка особенно заметна в устойчивости структурных типов и структурно-семантической канвы лексических параллелей. Несмотря на то, что самый высокий процент якутских репрезентаций во многих тематических группах выявлен в киргизском языке, он существенно уступает алтайскому по другим критериям, таким как устойчивость структурных типов, лексических значений и структурно-семантической канвы параллелей. Сравнительный анализ выявляет, что к якутскому языку также близки тувинский и хакасский языки.

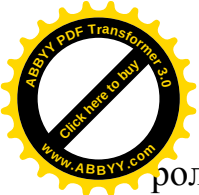
4. Из монгольской группы языков более близкую позицию к якутскому занимает среднемонгольский. Близость среднемонгольского языка особо выделяется в высоких показателях: а) соразмерности структурных типов параллелей в односложных основах; б) устойчивости лексических значений параллелей в односложных основах; в) устойчивости структурно-семантической канвы лексических параллелей; г) устойчивости лексических значений и структурно-семантической канвы параллелей во многих лексико-тематических группах. Из вышесказанного следует предположение, что якутский язык первоначально имел тесный контакт со среднемонгольским языком, потом соприкасался с халха-монгольским и бурятским языками. Наличие значительного пласта монгольских рефлексов во всех тематических группах, а также характерные фоносемантические особенности монгольских репрезентаций в якутском языке показывают, что современный якутский язык и монгольские языки имели единый праязык.

5. К языку древнетюркских памятников наиболее близко стоят уйгурский и киргизский языки. Высокий процент уйгурских и киргизских параллелей отмечается во многих тематических группах. Близость уйгурского языка к древнетюркскому выявляется в устойчивости структурных типов и лексических значений параллелей. В этом плане все показатели киргизского языка несколько уступают уйгурскому.

6. Из группы монгольских языков к языку древнетюркских памятников ближе всех находится среднемонгольский. Критерии близости среднемонгольского языка — в устойчивости структурных типов и лексических значений параллелей. Доминирование показателей среднемонгольского языка отмечается во многих тематических группах. Следует заметить, что по устойчивости структурных типов и лексических значений рефлексов среднемонгольский язык ближе к древнетюркскому языку, чем к якутскому.

7. Сравнительный анализ структурных и семантических особенностей, рассмотрение устойчивости структурно-семантической и структурно-фонетической канвы позволяет сделать вывод о том, что в древнетюркскую эпоху структурно-типологическая и лексическая система якутского языка не имела сильных отличий от восточно-тюркских языков.

Таким образом, на становление якутского языка заметное влияние оказывали языки древнетюркских письменных памятников. В этом плане особая

роль отводится языку енисейских памятников. Возможно, влияние данного языка на якутский было не только на позднем этапе, но и в первые столетия древнетюркской эпохи. Прослеживается тесная взаимосвязь якутского языка с алтайским, киргизским, хакасским языками в более позднее время.

Список сокращений

Условные обозначения памятников

орх. – орхонские памятники

ен. – енисейские памятники

уйг(рун.) – восточно-туркестанские памятники

КТб – большая надпись памятника в честь Кюль-Тегина

Тон. – памятник в честь Тоньюкука

Т – рукописный фрагмент из Тойока

МЧ. – памятник Моюн-Чуру

Мог. – памятник Могилян-хану (Бильге-кагану)

КЧ – памятник Кули-Чуру

МЧ – памятник Моюн-Чуру

Turf – рукописные фрагменты из Турфана: 1 – передняя сторона, 2- западная сторона

Tun. a,b, Kb – рукописные фрагменты из Дуньхуана

T I, II – рукописные фрагменты из Тойока

ЇВ – памятник Ырх-Битиг

ХТ – памятники Хойто-Тамира

Суд. – памятник из Суджи

Онг. – Онгинский памятник

Е. – енисейские памятники

Ха – северная сторона памятника Могилян-хану

Хб – южная сторона памятника Могилян-хану

Хс – часть надписи на второй широкой грани памятника Могилян-хану

Языки и диалекты

алт. – алтайский язык

бур. – бурятский язык

д.-тюрк. – древнетюркский язык

кирг. – киргизский язык

инд. – индигирский (говор якутского языка)

монг. – монгольский язык

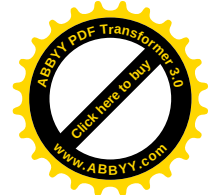
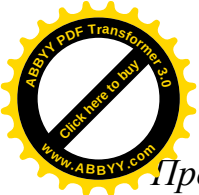
ср.-монг. – среднемонгольский язык

тув. – тувинский язык

п.-монг. – письменно-монгольский язык

уйг. – уйгурский язык

хак. – хакасский язык

Прочие сокращения

V – гласный

C – согласный

ОС – односложные

ДС – двусложные

ТС – трехсложные

ЗЛИ – заметные лексические изменения

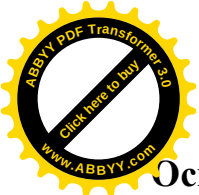
НЛИ – незначительные лексические значения

УСФСК – устойчивость структурно-фонетической и семантической канвы

УФСК – устойчивость фонологической и семантической канвы

уст. – устаревшее слово или значение

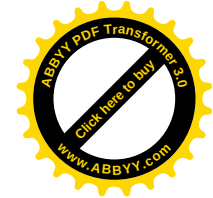
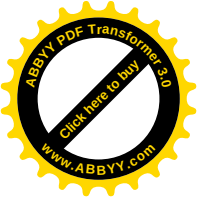
ист. – историзм

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Левин Г.Г.* Особенности орфографии текстов енисейских памятников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия «Филология», № 104. – СПб.: Изд-во Книжный дом, 2009. – С. 106-113
2. *Левин Г.Г.* Орфографические особенности рунических текстов восточно-туркестанских памятников // Вестник московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика», № 4. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 27-29
3. *Левин Г.Г.* Структурные и лексико-семантические особенности тюрко-монгольских репрезентаций в древнетюркском и якутском языках. // Вестник Якутского государственного университета. Том. 7, № 2. – Якутск: Изд-во ЯГУ. 2010. – С. 138-144
4. *Левин Г.Г.* Структурные и лексико-семантические особенности тюрко-монгольских репрезентаций в древнетюркском и якутском языках (Послелог и служебные слова) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского госуниверситета. №4(16). – Курс, 2010. www.scientific-notes.ru/pdf/017-19.pdf
5. *Левин Г.Г.* О происхождении якутского языка в этнографических и лингвистических трудах исследователей XVIII-XIX вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского госуниверситета. №4(16). – Курс, 2010. www.scientific-notes.ru/pdf/017-18.pdf
6. *Левин Г.Г.* Графические и орфографические особенности орхонских памятников // Гуманитарные науки в Сибири. №4. Новосибирск, 2006. – С. 35-40
7. *Левин Г.Г.* Структурные и лексико-семантические особенности тюрко-монгольских репрезентаций в древнетюркском и якутском языках (общественно-политическая лексика). // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Т. 8, № 2. – Якутск.: Изд-во СВФУ, 2011. – С. 112-118.
8. *Левин Г.Г., Малышева Н.В.* Тюрко-монгольские репрезентации в именах числительных древнетюркского и якутского языков. // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Т.9, №3. – Якутск.: Изд-во СВФУ, 2012. – С. 121-125
9. *Левин Г.Г.* Тюркские и монгольские лексические элементы в именах числительных древнетюркского и якутского языков. // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2012, №4(35). – С. 86-89
10. *Левин Г.Г.* Историческое отношение якутского языка к древнетюркским, восточно-тюркским и монгольским языкам // Современные исследования социальных проблем. №12(20). – Красноярск, 2012. www.sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/no12.html

Монографии

11. *Левин Г.Г.* Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков (В сравнительном плане с алтайским, хакасским, тувинским языками). – Новосибирск: Изд-во Наука, 2001. – 189 с.

12. *Левин Г.Г.* Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII-IX вв. (В сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск: Изд-во СВФУ, 2013. – 439 с.

Учебно-методические издания

13. *Левин Г.Г.* Древнетюркский язык. Орфография. Учебное пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ 2000. – 20 с.(1,8 п.л.). (На як. языке)

14. *Левин Г.Г.* Древнетюркский язык. Морфология. Учебное пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. – 58 с.(3,8 п.л.). (На як. языке)

15. *Левин Г.Г.* Древнетюркский язык. Орфография и морфология. Учебное пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2009. – 97 с. (5,7 п.л.). (На як. языке)

Статьи в других изданиях

16. *Левин Г.Г.* К проблеме реконструкции курыканского компонента якутского языка // Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции молодых ученых «Шаг в будущее». – Якутск, 1996. – С. 25-29.

17. *Левин Г.Г.* Отношение якутского языка к некоторым языкам Сибири // Материалы международной научно-практической конференции. Культура, история, язык восточных народов. – Махачкала. 1998. – С. 45-47. (0,2 п.л.)

18. *Левин Г.Г.* Олонхо и руническое письмо: языковые параллели. // Материалы международной конференции. Олонхо в контексте эпического наследия народов мира. – Якутск, 2000. – С.46-47.

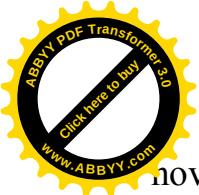
19. *Левин Г.Г.* К вопросу происхождения якутского языка // Вестник ЯГУ. Филология, журналистика. 2001. Вып. 1. – С. 34—36. (0,5 п.л.).

20. *Левин Г.Г.* Рунические надписи как памятник древней культуры саха // Письменное наследие тюрков: Материалы международного симпозиума, посвященного 110-летию дешифровки орхонско-енисейской письменности и 100-летию выхода в свет труда Н.Д. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка». – Кызыл, 14-17 октября 2003. – С. 36-39 (0,3 п.л.).

21. *Левин Г.Г.* Ленско-прибайкальские рунические надписи как источник исследования истории якутского языка // Международный конгресс востоковедов ICANAS XXXVII. – М., 2004. – С. 101-102. (0,1 п.л.)

22. *Левин Г.Г.* К вопросу исторической лексики якутского языка // Сборник научных статей международной конференции. «Туркология», №2. – Туркестан, 2003. – С. 45-52 (0,5 п.л.).

23. *Левин Г.Г.* Расшифровка этнонима «курыкан» в текстах орхонских памятников //Material II Mezinarodni vedecko-prakticka konference “Perspektivni

lovinky vedy a technici - 2005". Dil 2. – Praha-Dnepropetrovsk. 2005. – S. 12-14 (0,2 п.л.).

24. *Левин Г.Г.* Орфографические особенности текстов рунических памятников древнетюркской письменности «Туркология», №1(15). – Туркестан, 2005, – С. 3-7 (0,3 п.л.)

25. *Левин Г.Г.* Семантико-структурные особенности древнетюркско-тюрко-монгольских параллелей (наименования общественной жизни). // Материалы научно-практической конференции, посвященной к 100-летию Н.С. Григорьева. – Якутск. 2006. – С. 31-33 (0,2 п.л.)

26. *Левин Г.Г.* Отношение языка олонхо к орхонским текстам // Тезисы докладов I Международной научно-практической конференции «Эпическое наследие и духовная культура народов Евразии: истоки и современность». – Якутск. 2007. – С. 127-129 (0,2 п.л.)

27. *Левин Г.Г.* Отношение языка олонхо к древнетюркским текстам // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Подвижники сибирской филологии». – Новосибирск. 2007. – С. 25-27 (0,2 п.л.).

28. *Левин Г.Г.* К проблеме исследования истории якутского языка // Материалы научно-практической конференции, посвященной к 115-летию первого ученого-лингвиста С.А. Новгородова. – Якутск, 2007. – С. 46-50 (0,3 п.л.) (На як. языке).

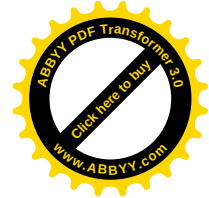
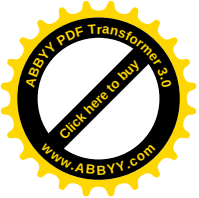
29. *Левин Г.Г.* Научные взгляды Е.И. Убрятовой по вопросу изучения истории якутского языка // Материалы научной конференции, посвященной к 100-летию Е.И. Убрятовой и к 95-летию В.М. Наделяева. – Якутск, 2008. – С. 12-15 (0,2 п.л.).

30. *Левин Г.Г.* Структурные и лексико-семантические особенности служебных частей речи в древнетюркском и якутском языках (в сравнительном плане с восточно-тюркскими и монгольскими языками) // Туркология. №1-2(51-52). – Туркестан, 2011. – С. 8-16

31. *Левин Г.Г.* Об этимологии слов буурџа «буря» и саһыл «желтый» // Сб. науч. тр. по материалам Международной заочной научно-практической конференции 29 февраля 2012. – Тамбов. Изд-во «Бизнес. Наука. Общество». С. 81-84

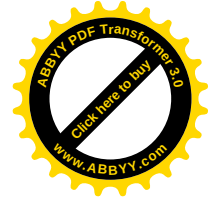
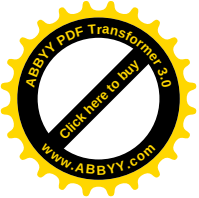
32. *Левин Г.Г.* Yakut dilinin eski türkçe, doğu türkçe lehçeleri ve moğol dilleri ile tarihi bağlantıları// Karadeniz. – T. 4, №16. 2012. – С. 12-22. [www. ar-dahan.edu.tr /karadeniz/web/upload/icerik/16/14.pdf](http://www.ar-dahan.edu.tr/karadeniz/web/upload/icerik/16/14.pdf)

33. *Левин Г.Г.* Структурно-семантические особенности тюрко-монгольских репрезентаций в древнетюркско-якутских параллелях (именные части) // Түркологиялық жинақ. – Астана. Изд-во: Сарыарқа, 2012. – С. 93-111

Подписано в печать 27.06.13. Формат 60х84/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Печ.л.2,5. Уч.-изд. л.3,12. Тираж 120 экз. Заказ № 217
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета,
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5

Отпечатано в типографии ИД СВФУ

Файл: LevinGG_ADD_SVFU_Yakutsk
Каталог: C:\Users\Пользователь\Desktop
Шаблон: C:\Users\Пользователь\AppData\Roaming\Microsoft\Шаблоны\Normal.dotm
Заголовок: Введение
Содержание:
Автор: Левин Герасим
Ключевые слова:
Заметки:
Дата создания: 05.07.2013 18:25:00
Число сохранений: 2
Дата сохранения: 05.07.2013 18:25:00
Сохранил: Пользователь
Полное время правки: 1 мин.
Дата печати: 05.07.2013 18:26:00
При последней печати
 страниц: 45
 слов: 14 771
 знаков: 99 500